М. ВИЛЬЧУР.

В Американском горнилѣ.

Путевыя замѣтки.
Приключенія и мытарства
русскаго иммигранта.

Цѣна 25 сент.

Нью - Іорк.

М. ВИЛЬЧУР.

В Американском горнилѣ.

ИЗ ЗАПИСОК ИММИГРАНТА.

New York.

Посвящается
Манон.

I

ОТЪЕЗД НА „КУРСКЪ".

Палубы новенькаго и чистенькаго „Курска", совершающаго свое первое морское плаваніе, усѣяны пассажирами.

Тысячи человѣческих глаз устремлены на берег, жадно впитывая послѣднія впечатлѣнія родной земли.

Позади — хлопотливый и голодный день, невольный пост пред торжеством вступленія в море.

Нас подняли на ноги в семь часов утра и рано доставили на пристань.

Там цѣлый день шла провѣрка билетов и паспортов. Купить чего нибудь поѣсть негдѣ, да в суматохѣ и не того было.

Позже всѣх справились, конечно, с третьим классом. С мѣшками и чемоданами на плечах двинулись мы к дверям, сквозь строй жандармов, отмѣчавших на паспортах наш от'ѣзд. По обѣим сторонам стояли они и перед тѣм, как сдѣлать отмѣтку, пристально вглядывались в наши лица, как бы стараясь запомнить черты этих сотен чудаков, надолго, может быть, навсегда ускользавших от их попечительнаго ока.

Мой паспорт достался в руки толстому рыжебородому жандарму. Он внимательно осмотрѣл меня с ног до головы, удостоил вниманіем мой багаж и с усмѣшкой возвратил мнѣ паспорт, процѣдив сквозь зубы:

— Проходи живѣй, не задерживай!

Рыжебородый жандарм был послѣдним лицом, которое я отчетливо видѣл на родных берегах.

Добрых три часа продолжалась посадка пассажиров на пароход. Наступал уж вечер, когда „Курск" троекратно прогудѣл густым шипящим басом.

— „Отдать," — раздалась русская команда.

И через минуту громадное туловище парохода пришло в сотрясеніе и отдѣлилось от берега.

Шумно заговорили всѣ разом, машут шапками, платками.

Молодая женщина, стоя у перил, судорожно ры-

дает, уткнувшись в платок. Суждено ли ей еще раз увидѣть дорогих лиц, оставшихся на берегу, и найдет-ли она там, за океаном, свое счастье?

В гул человѣческих голосов то и дѣло врываются торжественно-печальные звуки прощальнаго марша, который бойко и с настроеніем наигрывает пароходный оркестр. Но никто не слышит этого марша. В этот момент в душѣ каждаго уѣзжающаго звучат лучшія, болѣе совершенныя, из нѣжной печали сотканныя мелодіи.

Хмурые стоят люди и жадно глядят на удаляющіеся берега.

А там с тысячи уст срываются восклицанія и в воздухѣ рѣет множество шляп и развѣвающихся бѣлых платочков.

Все увеличивается разстояніе, отдѣляющее пароход от берега. „Курск" сдѣлал рѣзкій поворот и на минуту толпа провожающих скрылась из виду. Всѣ перебѣгают на другую сторону. Но уж трудно различить лица и мелькающіе платки образовали одну сплошную извивающуюся бѣлую ленту. Доносится заглушаемое вѣтром „ура".

Два маленьких грузовых парохода осторожно проводят „Курск" мимо двойных ворот порта Александра III, и мы вступаем в открытое море.

Прощай, родная земля! Истомленные и отчаявшіеся, мы уходим от тебя в невѣдомую чужую страну, гдѣ не так тѣсно жить, гдѣ, говорят, есть мѣ-

сто каждому человѣку.

Но не забыть нам тебя, родина! Ни широких полей, ни раздолья степей твоих, ни шири твоей необ'ятной....

II.

ПЕРВАЯ НОЧЬ НА МОРѢ.

Слегка покачиваясь и ныряя, несется „Курск" со скоростью 15 морских узлов в час. Незамѣтно надвинулась ночь, первая ночь на морѣ для большинства пассажиров. Еще с вечера небо заволокло тучами, поднялся вѣтер и началась боковая качка, особенно чувствительная для новичков на морѣ.

За исключеніем двух десятков „опытных" людей, пассажиры укрылись на койках, жестоко страдая приступами морской болѣзни. Она одинаково поражала пассажиров всѣх классов, не разбирая ни пола, ни возраста.

Отвратительное настроеніе создает „морская болѣзнь." Все кажется, что с'ѣл что-то очень несвѣжее, отчего постоянно тошнит и в горлѣ застывает противная слизь. Мужчины кое-как крѣпятся, женщины громко стонут и вопят о помощи, и только дѣти, счастливыя дѣти весело бѣгают меж койками, с недоумѣніем и испугом поглядывая на страдающих

людей: качка для дѣтей, в большинствѣ случаев, совершенно не чувствительна.

Почти никто не сомкнул глаз в эту первую ночь на морѣ. От одуряющих, тошнотворных звуков извергаемой пищи заболѣвали здоровые, и адскій шум, стоявшій в нашей громадной междупалубной „спальной" исключал всякую возможность задремать.

Койки слишком тѣсно придвинуты, и нерѣдко верхній пассажир, — спальныя мѣста расположены в два этажа, — будучи не в силах спуститься вниз, изрыгает остатки пищи на ноги, а то и на голову своего злополучнаго сосѣда снизу. Оттуда немедленно доносится злобное и безсильное проклятіе.

С отяжелѣвшей головой, задыхаясь от смрада, я направился к выходу, поминутно наступая на человѣческія изверженія.

У двери я оглянулся. Далеко тянулись ряды слабо освѣщенных коек, с узкими проходами через каждые четыре - пять коек. Над этими койками, — такіе же ряды новых коек, — сто, двѣсти, пятьсот,— слишком тысяча таких спальных мѣст. И на каждой койкѣ — стонущій или молча страдающій человѣк. Густой туман стоял в помѣщеніи, заволакивая электрическія лампочки и фигуры эмигрантов. Я поспѣшно открыл дверь к выходу.

Свѣжій ночной воздух благотворно подѣйствовал на возбужденные нервы. Небо прояснялось, то

там то сям засвѣтились звѣздочки, потом выплыла из за облаков величественная полная луна. И на морѣ заиграли лунные лучи. Волны не то злобно, не то игриво набрасывались на судно, разбиваясь в брызги и оставляя позади себя свѣтящуюся пѣну. И длинная пѣнящаяся полоса тянулась за пароходом и на ней искрилось и переливалось серебро лунных лучей.

Я спустился опять вниз, пытаясь вытащить на воздух хотя бы нѣскольких страдавших спутников. Но они только досадливо отмахивались руками. Сбитые в кучи, безпомощные и жалкіе, они не замѣчали щедро разлитой вокруг них красоты.

III

У КОПЕНГАГЕНСКАГО РЕЙДА.

К полудню слѣдующаго дня мы приближались к копенгагенскому рейду, и еще через пару часов были у самаго входа в рейд, на виду утопавшей в садах датской столицы.

Кругом сновали в различных направленіях катеры, изрѣдка проносились переполненные людьми пассажирскіе и почтовые пароходы.

Вот показалось вдали красивое трех-палубное судно. Все ближе и ближе, — можно уж различить

человѣческія фигуры на палубах. Сквозь большія, настежъ раскрытыя окна видны расположившіяся за столами классные пассажиры. Много дамских шляп, в руках у многих — цвѣты. Быстро промчался мимо нас пароход и вошел в рейд.

Через час—другой всѣ эти датчане будут дома, в кругу своих семей. И много завистливых глаз провожало блестѣвшее бѣлизной красивое судно...

К „Курску" приблизился паровой катер. Он обогнул пароход и пристал к его кормѣ.

Спустили длинную и узкую деревянную лѣстницу, по которой на пароход взобрались нѣсколько новых пасажиров, — датчан и датчанок. Посадка их, затѣм отход катера, — все это совершалось с чисто кинематографической быстротой.

Юркій, весь в бѣлом матрос-датчанин ловко подсаживал пассажиров, особенно галантно обхватывая талію дам и помогая им подыматься по гнувшейся лѣстницѣ по способу, когда-то красочно изображенному Гейне в его „Путешествіи на Гарц." Дамы взвизгивали, когда на минуту, казалось, повисали в воздухѣ, потом быстрѣе мужчин карабкались вверх, ловко подталкиваемые сзади матросом.

Датчанин - рулевой свистнул, „Курск" густо прошипѣл что-то в отвѣт и через нѣсколько секунд катер огибал пароход уже с другой стороны.

Палубы парохода переполнились пассажирами, успѣвшими забыть кошмарную ночь на Балтійском

морѣ. Пароходный врач, тщедушный человѣк с ласковыми близорукими глазами, нѣсколько раз спускался в каюты, выгоняя эмигрантов „дышать воздухом." Тихій и ласковый, обходил он больных „морской болѣзнью", завѣряя их, что это вовсе не болѣзнь, что рвоты и тошнота пройдут немедленно послѣ того, как исчезнет вызывающая их причина, — качка. Он не разставался с какой-то таинственной бутылочкой, которую давал всѣм нюхать. Эта чудодѣйственная бутылочка должна была вылѣчить и насморк, и морскую болѣзнь, и меланхолію, и всѣ прочія морскія напасти.

Теперь доктор имянинником разгуливает по палубѣ: его многочисленные паціенты сразу выздоровѣли.

К „Курску" приблизился, между тѣм, другой катер, таща на буксирѣ двѣ баржи. Началась нагрузка парохода провизіей, занявшая болѣе четырех часов.

Сотни различных ящиков, десятки мѣшков муки, неимовѣрное количество боченков и ящиков с напитками моментально исчезали в трюмах парохода.

С вечера рейд зажегся тысячами электрических огней, красиво отражавшихся в вздрагивавших волнах. По всѣм направленіям сновали пароходы и рейд ежеминутно оглашался то пронзительными гудками катеров, то солидным и густым шипѣніем двух-мач-

товых великанов.

При всеобщем оживленіи „Курск" снялся с якоря и долго-долго еще позади нас мелькали копенгагенскіе огни.

Через час мы вступали в залитый с обѣих сторон огнями Зундскій пролив.

IV

В НѢМЕЦКОМ МОРѢ.

Утро застало нас уже в Нѣмецком морѣ: „Курск" держал курс на сѣвер, огибая Шотландію и разбросанные у ея берегов островки. Перед вечером вдали показались берега Норвегіи. Скалистые, подернутые синеватой дымкой.

Матросы совѣтуют нам проститься с видом земли на недѣлю.

Через час нас окружали только вода и небо.

Качка усилилась. Временами волны достигали нижней палубы, — и эмигранты опять укрылись на свои койки.

Ближе присматриваюсь к моим товарищам по поѣздкѣ за океан.

Из девятисот с лишним пассажиров третьяго класса около тридцати процентов евреев, столько

же поляков и литовцев; остальные русскіе. Особенно много с Волыни, цѣлыми группами ѣдут гродненцы и минчане и сравнительно немного украинцев. Среди них выдѣляется странная фигура задорнаго и сильнаго Омельченко, при каждом удобном случаѣ завѣряющаго своих собесѣдников, что он „ны дурень":

— Дід мій, бачыты, запорожцім був. И чого мыни дома буты, коли маю тылькі дві десятыны? И кто матыри хліба дасть, колы другый брат хворый?

Среди этого сброда людей затерялся орловец. Он везет с собой в Новый Свѣт невѣроятных размѣров гармонію, и временами умѣет заставлять ее говорить. Он, кажется, единственный на пароходѣ великоросс и рѣзко выдѣляется своим орловским говором.

Особо от всѣх держится ѣдущая в Калифорнію группа молокан. Они, сравнительно, лучше одѣты, и часто к нам доносится их торжественное пѣніе псалмов.

Большинство русских эмигрантов — оторванные от сохи землеробы. Им непривычно вынужденное бездѣлье, и их ничего не выражающія лица порою кажутся окаменѣлыми. Они уже успѣли свыкнуться с пароходной обстановкой и молча бродят то по палубѣ, то по пустой столовой, то между коек. Между собой говорят мало. У каждаго невеселыя мысли в головѣ, да и говорить не о чем.

Только Омельченко да орловец с гармошкой умѣют иногда вызывать улыбки на мрачных лицах ѣдущих за океан русских мужиков.

Первый, как разойдется, бойко отплясывает камаринскую, второй частенько берется за свою гармошку.

В затаенных мѣстах, — в сапогах, зашитых карманах, — у них всѣ их драгоцѣнности: денег пятьдесят рублей, ровно столько, сколько требуется „для показа" и адреса родных и знакомых.

Эти послѣдніе часто вызывают улыбки у читающих по англійски.

Каракулями выведены какія то буквы, слова, смысла которых болѣе чѣм мудрено доискаться. И остается часто человѣк один как перст, без друзей, без знакомых.

Знают земляки, что важен адрес на чужбинѣ и пуще ока хранят завѣтные конверты, с письменами на каком-то странном языкѣ.

Впрочем, для доброй половины ѣдущих и в русских письменах скрывается неразгаданная тайна.

Не охотно говорят о том, что вынудило их уѣхать с родины.

— Звѣсное дѣло, землицы мало, кормиться не можем, не то что сборы да недоимки платить.

Дробятся нищенскіе земельные надѣлы, нужда и голод совсѣм одолѣвают русскаго крестьянина.

Плохи стали и городскіе заработки зимою. На-

толкнется крестьянин на агента пароходнаго общества, услышит его фантастическіе разсказы о счастливой жизни в Америкѣ, гдѣ самый-мол никудышный человѣк зарабатывает 4 — 5 рублей в день, а настоящій работник и того больше, — и пойдет у него голова кругом. Широковѣщательныя книжки пароходных агенств и слухи об Иванах и Петрах, уже уѣхавших в эту Америку и „загребающих там золото", окончательно убѣждает выбитаго из колеи человѣка. Закладывает он, а то и продает хату и землю, и ввѣряет свою дальнѣйшую судьбу благодѣтелю агенту. Тот берет уже на себя труд по выправкѣ паспорта, и покупку билета, и прочія хлопоты, получая с довѣрчиваго простака 200, а то и 250 и 300 рублей.

Пройдет, может быть, год или два, прежде чѣм добродушный мужик поймет, как безсовѣстно отдѣлал его благодѣтельный агент.

Восемьдесят процентов опрошенных мною русских эмигрантов ѣздили с помощью агентов. Сколько крестьянских рублей выкачали эти шакалы и сколько еще выкачают!

Наши эмигранты, между тѣм, составляют соль русскаго крестьянства.

Ѣдет наиболѣе передовой, наиболѣе здоровый и сильный, физически и умственно, элемент деревни.

Русскій мужик издавна слывет большим домосѣдом, не любящим выѣзжать за околицу своего се-

ла и не интересующимся внѣшним міром.

А эти люди, все богатство которых в их мускулистых руках, безстрашно пускаются в чужой и далекій край, переплывают моря и океаны и готовы исколесить весь земной шар в поисках своей доли.

Поляков, евреев и латышей гонят за океан, помимо всего, и россійское нестроеніе. Отсутствіе національной и религіозной нетерпимости является для них приманкой, на которую они готовы промѣнять матеріальное благополучіе на зыбкой почвѣ своей родины.

Гдѣ только соберется кучка евреев, там слышишь кошмарныя воспоминанія о погромных ужасах.

В толпѣ поляков идут разговоры о выживаніи их с желѣзных дорог, о преслѣдованіи польской рѣчи, польских идей.

Латыши вспоминают кровавыя карательныя экспедиціи.

Каждый рад излить накопившуюся горечь по отношенію к родинѣ, оказавшейся для них злой мачехой.

Увы, такой же мачехой была матушка Русь и для „главенствующей" націи, для русских хлѣборобов, которым не хватило мѣста на их родинѣ.

С нами ѣдет бывшій стражник, степенный мужик из Полтавской губерніи. Привыкшій властвовать, он и теперь говорит строго наставительным тоном:

— Соблюдай себя, это первое дѣло. Вот уж нынче ворочать стали с Америцi. А почему? Все из-за забастовок. Коли тебѣ плотят аккуратно и всяческое тебѣ уваженiе, — зачѣм бунтовать?

— А ежели никакого тебѣ уваженiя, а плотят так, чтоб еле душа в тѣлѣ держалась, тогда что, — добивается его односельчанин, молодой бѣлобрысый парень.

Недавнiй представитель власти озадачен, но быстро находится:

— А ты терпи. „Терпи казак, атаманом будешь".

Он побѣдоносно оглядывает своих собесѣдников, хотя тѣ, видно, остались „при особом мнѣнiи".

Кто знает, не суждено-ли этому умѣющему властвовать бывшему стражнику стать вожаком стачки в угольных копях Западной Вирджинiи или Пенсильванiи?...

V

НА ОКЕАНѢ. КРЕЩЕНIЕ МАТРОСОВ.

Вступленiе в Атлантическiй океан ничѣм особым не отличалось. Эмигранты уже менѣе чѣм вначалѣ замѣчали качку и на палубѣ стали появляться лица, которых мы впервые увидѣли.

Бурной оказалась за то первая ночь на океанѣ.

Темныя тучи облѣпили небо, — и вода и небо слились, казалось, в этой кромѣшной тьмѣ.

Шумит и бурлит вокруг водная стихія, и темные валы вздымаются вверх, яростно наваливаясь на судно.

Топовый огонь на мачтѣ безпрерывно раскачивается, то несясь вверх, то готовый погрузиться в волны, — и бросает неровный свѣт на грохочущіе валы и на мокрую палубу парохода.

Вблизи парохода по прежнему бѣлѣет пѣна волн и странно мигают в ней пароходные огоньки. Покачивая весь состав и тяжко громыхая, работают два винта, двигая вперед, наперерѣз волнам, желѣзный корпус парохода.

Я проводил много времени на палубах, — и днем, и вечером, и ночью, когда нечѣм было дышать в нашей общей спальной. Заглядывал в классныя салоны. Большинство классных пассажиров, как и мы, страдали от морской болѣзни и только группы привыкшей к морю молодежи беззаботно пѣли и танцевали в музыкальном салонѣ.

Временами там царило настоящее веселье.

Помню один вечер.

Молодой щеголеватый шкипер, мѣрно раскачиваясь, наигрывал на рояли вальс. Около него увивались, придерживаясь за колонны, двѣ пассажирки — молоденькія латышки, не в первый раз совершавшія

морскіе переѣзды. Другой шкипер, плотный и мясистый, вальсировал со стаканом пива в руках. За ним понеслись в вихрѣ вальса парочки, сдерживая темп, когда сильно накреняло пароход и то и дѣло наскакивая друг на дружку. Иногда трудно оторвать ноги от пола, другой раз кажется, что летишь в бездну, и почва уходит из-под ног.

Веселье заражает и становится всеобщим в салонѣ. Вальсируя, подает пиво кельнер, вальсируя отдает приказанія пьяненькій буфетчик. И с туром вальса спѣшит на звонок снизу пароходный гофмейстер.

А за стѣной шумит и пѣнится океан, бросая судно с печальными и веселыми людьми в сторону, то стремительно погружая его вниз, то подымая на полторы — двѣ сажени кверху...

На шестой день плаванья нам пришлось быть свидѣтелями обряда моряков, так называемаго „праздника Нептуна" или „морского крещенія".

Это международный морской обряд, исторія котораго, по словам матросов, скрывается „в глуби вѣков". Время только значительно смягчило ритуал крещенія, когда-то служившаго грозою для начинающих моряков.

На совершавшем свой первый рейс „Курскѣ" было 15 новичков, совершавших свое первое плаваніе. А новички не могут быть пріобщены к морякам иначе как путем публичнаго крещенія.

С вечера убрали столы в просторной столовой третьяго класса. Явилось большинство здоровых пассажиров всѣх классов, тут же была парадно разодѣтая администрація парохода, во главѣ с капитаном.

Один из углов столовой был закрыт портьерой, и туда скрылись дѣйствующія лица этой веселой комедіи.

При звуках торжественнаго марша показалось шествіе морских царей и владык. Впереди шел, опираясь на палицу, неимовѣрно толстый Нептун, царь морей и океанов. Борода его касалась пола и он страшно вращал глазами. За ним шла свита из мелких властителей морей, куча вымазанных сажей больших и малых чертей в фантастических костюмах.

Пройдя два круга, шествіе остановилось. Нептун потребовал „уставник" и, получив невѣроятных размѣров свернутый лист, громовым голосом стал читать „морскіе законы".

Это полусерьезные, не лишенныя остроумія совѣты и указанія начинающим лишь карьеру молодым морякам. Для людей, всю жизнь проводящих на морѣ, не могут не существовать особыя, освященныя поколѣніями, традиціи. „Уставник" напоминает о готовности каждаго моряка встрѣтить смерть в морских волнах ежедневно и ежечасно, говорит о высоком званіи моряка, о необходимости дисциплины,

взаимопомощи и самопомощи в минуты жизни трудныя. Наряду с этим в „уставникѣ" проскальзывает особая „морская" мораль. Морякам указывается на преимущество холостой жизни. Правда, моряк рожден для борьбы со стихіями. Но женщина... Не всякій видавшій виды на своем вѣку моряк справится с ея стихіей. Да и для моряка-ли созданы семейныя добродѣтели? Это удѣл живущих на землѣ и прикованных к ней, а не свободнаго морского волка.

При гомерическом смѣхѣ толпы Нептун преподал в заключеніе нѣсколько совѣтов „присутствующим дѣвицам и прочим представительницам прекраснаго пола". Он указал им на их обязанность быть сугубо любезными и снисходительными к морякам:

— В концѣ концов только моряк может дать неземное счастье.

Отдѣльные комичные совѣты и замѣчанія чтеца вызывали гром рукоплесканій и взрывы хохота.

Но вот чтеніе окончилось.

— А теперь, — гремит Нептун, — приступим к священному обряду крещенія наших молодых товарищей.

Начинается заключительная и самая безобразная часть празднества. Вымазанные черти приносят большую, наполненную водой, ванну. На нее кладут деревянную перекладину и покрывают ванну пароходным флагом.

Двое стариков-матросов подводят первую жертву, — молоденькаго матросика в новенькой формѣ.

— Благословляю тебя, сын мой, — привѣтствует его „Нептун", подводя к Брадобрею. Страшный старик-брадобрей отчаянно вращает глазами и усердно точит свою двух футовую „бритву". Ему подают соотвѣтственных размѣров щетку, и он опускает ее в ведро, — не то с черной краской, не то с разведенной сажей.

Матросика усаживают на ванну. Миг, — и лицо его дѣлается сплошь черным. Он пытается сорваться с своего неудобнаго сидѣнія, но крѣпкія руки держат его за плечи. Выраженія глаз не видно, но странно блестят на черном фонѣ испуганные и недоумѣвающіе глаза. Покончив с „намыливаніем", брадобрей посыпает лицо своей жертвы мѣлом (это „пудра", об'ясняет он публикѣ) и с ужимками и гримасами начинает соскабливать краску своей бритвой. Он засучил рукава и в своей шутовской красной мантіи напоминает средневѣкового палача, совершающаго публичную казнь.

— А теперь воды, — раздается его приказаніе.

Двое сзади ловко выхватывают перекладину, и несчастный проваливается в холодную ванну. Когда же, ошалѣлый, он выскакивает оттуда, с двух сторон его обдают водой из водопроводной кишки.

Каждое движеніе, каждый шаг Брадобрея вызывает хохот весело настроенных пассажиров. Но кре-

полу и на стѣнах оставляют тошнотворные слѣды морской болѣзни.

— Здѣсь им покойнѣе, — говорит старенькій близорукій доктор, — да вот никак не сладишь с ними.

— Доктор, почему вы не хотите спасти меня, вѣдь я умираю, — раздается жалостный женскій голос.

— Лежи, матушка, лежи, — пытается урезонить ее доктор, — знай, лежи да помалкивай.

— Послушайте, господин, — обращается больная ко мнѣ, вы думаете, что он на самом дѣлѣ доктор? Он такой же доктор, как я профессор.

И неожиданно она хватает меня за руку:

— Спасите меня, только на вас и Бога моя надежда.

Я безпомощно развожу руками.

— Отойдите от нея, — совѣтует доктор, — и не обращайте вниманія.

Услышав замѣчаніе доктора, больная с новой силой обрушивается на него.

Другая женщина, старушка, пальцем подзывает меня к себѣ:

— Скажите, кто выдумал эту Америку?

И услыхав имя Колумба, она разряжается потоком проклятій по адресу величайшаго из путешественников, открывшаго міру путь в Новый Свѣт. Вслѣд за Колумбом достается доктору, потом сыну,

выславшему ей шифскарту, потом опять Колумбу и доктору...

Становилось жалко старенькаго доктора, которому, может быть, придется всю жизнь возиться с больными „морской болѣзнью".

Сравнительно легче переносили качку мужчины.

— Смутно шось на сердці, — жаловался мнѣ шахтер из Юзовки, молодой и крѣпкій парень, направлявшійся с земляками в Вест Вирджинію, — смутно и исты ны хочется.

И борт, и нос парохода почти были переполнены эмигрантами. Мечтательными глазами глядѣли люди вперед, в безбрежную ширь могучаго океана, за которым находится завѣтная страна золота и свободы, — и с грустью обращали взоры назад. Миля за милей ежеминутно отдалялись мы вглубь океана, прочь от родных берегов...

Долгія прогулки на палубѣ избавляли от приступов тошноты. Утомленный, присядешь потом на скамейку, и в облаках ищешь какую нибудь устойчивую точку. Сразу успокаиваются взволнованные нервы. И уже не страшно, а, наоборот, весело от того, что и вода, и пароход, и люди, и вещи, — что все это безпрерывно и мѣрно раскачивается.

VII.

ПРИБЫТІЕ В НЬЮ-ІОРК.

Мы оказались счастливѣе Христофора Колумба, долго плававшаго по безбрежному океану в поисках земли.

Послѣ семи дней на океанѣ мы стали различать берега Нью-Фаундлена, — и сразу почувствовали близость Новаго Свѣта.

Еще за два дня до этого появилось множество альбатросов, вѣстников земли. Толпами слѣдовали они за пароходом, поминутно ныряя в пѣнѣ волн.

Улегся вѣтер, слабѣе покачивало и на пароходѣ воцарилось всеобщее оживленіе.

Только наши мужички как-то еще болѣе присмирѣли при видѣ новой, чуждой им земли.

Кто-то пустил слух, что в Америку „не впущают" безпокойных.

Стихла гармоника, не стало болѣе слышно заунывных хоровых пѣсен. Сразу стали всѣ тихими и покорными.

В полночь мы проѣхали маяк, отстоящій от Нью-Іорка на 200 миль. Его ослѣпительный, проникавшій в каюты, свѣт поднял на ноги многих пасса-

жиров.

На слѣдующее утро палубы были переполнены эмигрантами: хорошіе глаза различали уже горы Новаго Свѣта.

В полдень постепенно из тумана стали выступать береговыя сооруженія, мосты и зданія Нью-Іорка. Вокруг нас проносились сотни больших и маленьких судов. Впереди, на небольшом разстояніи от „Курска" шел пароход под итальянским флагом, как и мы прибывавшій из Европы.

Вот мимо нас промчался четырех-этажный гигант-пароход. Массы людей на этом суднѣ с любопытством смотрят на толпы эмигрантов на нашей палубѣ. Может быть, и они были когда-то такими же иммигрантами и, при видѣ нас, вспоминают волненіе, охватившее их при приближеніи к берегам Америки. А может быть...

Мои размышленія прерывает старик-еврей. Он ѣдет к сыновьям-портным, имѣющим там какой-то „шап".

— Небось, нахватали долларов, — и спѣшат домой. Размѣняют доллары на марки, учетверят сразу свои сбереженія и будут себѣ пивцо попивать.

— А вам завидно, нто-ли?

— Да, — вздыхает старик. — Спрашивается, почему я не поѣхал в Америку двадцать лѣт назад? Надо было бы мнѣ теперь волноваться?

Разговор сам собой обрывается. Гдѣ тут до бе-

сѣд, когда глаз не хватает, чтобы впитать в себя первыя впечатлѣнія Новаго Свѣта.

Все ближе к берегу, уж видѣн вход в порт. Кругом выростают безчисленныя зданія и башни, громоздятся двадцати и тридцати-этажные небоскребы, грандіозные желѣзные мосты, на подобіе сказочных ворот, опоясывают прибрежныя части громаднаго города.

Пред нами — врата Новаго Свѣта, на наших глазах растилается многомилліонный город, — и мы всѣ чувствуем учащенное біеніе его пульса.

Скорѣе к новым берегам, скорѣе!

Но „Курск" замедляет ход, а потом и вовсе останавливается. К пароходу под'ѣзжает катер с карантинными врачами. Длинных два часа идет общій осмотр и подсчет пассажиров и команды.

Наконец пароход снимается с якоря. Третьеклассных пассажиров собирают в столовой и пришивают каждому к груди номер.

На первое время у нас не будет имен, и мы вступим на новую землю каждый под своим номером. Пусть так.

Шире дорогу, номер триста двадцать седьмой идет!

С верхней палубы доносится громкое „ура". Спѣшу туда. Пассажиры машут платками и с обнаженными головами привѣтствуют статую Свободы.

На островѣ, у подножія котораго день и ночь

плещутся волны, высится на гранитном пьедесталѣ мѣдная статуя Богини Свободы. Величественен ея царственный образ и взор обращен к востоку, по ту сторону океана. В лѣвой ея рукѣ Книга Законов, а в высоко распростертой правой рукѣ — факел.

Она зовет к себѣ пришельцев всего міра, она привѣтствует униженных и оскорбленных Стараго дряхлаго Свѣта.

Прими и мой привѣт, свѣтлая Богиня! Привѣт тебѣ, новая земля!

VIII.

ОСТРОВ СЛЕЗ — ЭЛЛИС АЙЛЭНД.

Первым взобрался на пароход, как только приладили лѣстницу, длинноногій бритый американец. Из привѣтствій, которыми он обмѣнивался с администраціей парохода, можно было различить частое „олрайт".

— „All right", — кричит матрос, послѣ того как пассажир переступает послѣднюю ступеньку лѣстницы.

„Курск" стоит у своей пристани в Бруклинѣ и послѣ краткаго осмотра здѣсь спускают на берег классных пассажиров.

Маленькими кажутся ждущіе внизу люди, встрѣ-

Крестьянин или рабочій легко идет на удочку инспектора, спрашивающаго через переводчика:

— А как же , братцы, насчет работы? Вот вы хотите ѣхать в Колорадо. А что если там работы не окажется?

Испуганные перспективой быть отправленными обратно, по причинѣ неимѣнія работы, гродненскій или волынскій крестьянин хочет „перехитрить" инспектора и начинает привирать:

— Мол, там товарищи, и работа уж ждет. Прямо ѣдем на работу.

Инспектор довольно улыбается. Он попал на „законтрактованных" рабочих и уж сдѣлает все от него зависящее для обратной их отправки.

Вечером нам предложили горячій ужин, а потом отвели на ночевку, в сильно напоминающія пароходную каюту помѣщенія. Тѣ-же узкіе проходы, тѣ-же двух-этажныя койки. В ушах все еще стоит шум пароходных винтов, — и кажется, что мы еще на суднѣ и что нас мѣрно раскачивает.

Казарменная обстановка иммигрантскаго чистилища производит жуткое впечатлѣніе.

Отчего здѣсь так много печальных и озабоченных лиц, почему никто не смѣется у этого преддверія Новаго Свѣта?

Из шумнаго корридора доносятся чьи-то глухія рыданія. Я видѣл мельком женщину с дѣтьми, рвав-

шую на себѣ волосы и бившуюся головой о стѣнку. На каком-то непонятном мнѣ языкѣ она истерично что-то выкрикивала.

Здѣсь есть русскіе, живущіе болѣе недѣли в ожиданіи обратной отправки.

Эти старожилы Элисс-Айлэнда разсказывают страшныя были.

Иммигрантское чистилище является островом печали и слез, островом разбитых надежд и упованій.

Третьяго дня кто-то удавился, вчера выкинулась из окна молодая дѣвушка.

Каждый день остров оглашается воплями отчаянія отвергнутых людей.

—Вот вам и свободная Америка, — со злобой говорит дѣлящій с нами часы заключенія на островѣ второклассный пассажир, — и чего только смотрят наши консулы? Вѣдь это страна насилій. Развѣ такая вещь мыслима в Россіи в отношеніи иностранца? Сколько тысяч нѣмцев, французов и этих самых янки пріѣзжают к нам. И кому придет в голову ощупывать их, залѣзать в их карман?

— Понимаете, — горячится он все болѣе, — вѣдь они осматривают всѣх без исключенія. Может быть, я вовсе не иммигрант и у меня и в мыслях нѣт мѣнять отечество. Допустим, я путешественник, или купец, желающій завязать торговыя связи с Америкой, или, наконец, просто бездѣльник, пріѣхавшій разыскивать богатаго американскаго дядюшку. Ка-

кое они имѣют право ощупывать меня, предполагая, что у меня какая нибудь отвратительная болѣзнь, заглядывать в мой кошелек, а потом и в душу?

— Как это в душу?

— Изволите видѣть, им желательно знать, как и во что я вѣрую. Не анархист-ли, не признаю-ли полигаміи.

Он злобно сжимает кулаки. — „Я бы установил такой точно осмотр американцев в Россіи. Каковы ваши политическія убѣжденія? Что? Республиканец? Извольте ѣхать обратно, мы не любим республиканцев. Демократ? Впустить, но взять под подозрѣніе"...

Понимая настроеніе моего соотечественника, я в то же время не могу не сознавать крайности его выводов.

В Соединенные Штаты ежегодно прибывает около милліона пришельцев. Они не хотят принимать больных и неспособных к труду, и пытаются охранить страну от в'ѣзда нежелательных им элементов.

Но не идет-ли слишком далеко их толкованіе этого принципа? Не знаю, и не хочу думать об американской правдѣ.

Всей душой, всѣм сердцем я чувствую сейчас правду отверженных Америкой, правду их разбитых надежд и упованій.

Из верхних окон видны зданія Нью Іорка, по

ночам привѣтливо мигают вдали несмѣтные огни пятимилліоннаго города, кажущіеся этим бѣдным людям огоньками счастья и свободы.

Но Америка не для них. Новый Свѣт отверг их, — и через пару дней катер доставит их на тот-же, нынѣ ненавистный, пароход, который повезет их назад, к оставшемуся дома разбитому корыту. Только что оправившись от морской болѣзни, которую они бодро переносили в чаяніи Новаго Свѣта, они снова будут страдать, жестоко страдать, и многіе из них проклянут день своего рожденія...

Я благополучно прошел экзамен. Мои глаза, грудь и мускулы удовлетворили американскаго врача. Он заинтересовался еще внѣшним состояніем моей головы. Великодушная судьба одарила меня блестящей, внушительных размѣров, лысиной, и я охотно дал ему возможность лицезрѣть ее.

Второго чиновника, инспектора, я без труда убѣдил в моей благонамѣренности в смыслѣ анархизма и двоеженства. У меня было два гривенника сверх положенных по закону денег, — и это окончательно раскрыло предо мною двери чистилища.

Катер повез нас к Нью Іорку. На нас все еще были нагрудные номера. Когда стали приближаться к пристани, мы сорвали их и бросили в воду.

Нас высадили на Саут Ферри, около обширнаго парка, у котораго берет начало величайшая из нью-

іоркских улиц — Бродвей.

Большинство были встрѣчены родными и знакомыми.

Мы взобрались по высокой лѣстницѣ на какую-то платформу, усѣлись в длинный вагон, — и через пару минут мчались над нью іоркскими улицами, на высотѣ третьих этажей домов.

На станціи, имѣвшей номер 116-й, вмѣсто названія, мы вышли и спустились вниз на улицу.

Еще через нѣсколько минут я был в квартирѣ пріятеля и впервые почувствовал смертельную усталость от уймы новых впечатлѣній и переживаній.

С улицы доносился людской говор, каждыя двѣ минуты над самой, казалось, головой с страшным, оглушающим грохотом проносились поѣзда.

Стучало в висках, мнѣ казалось, что я все еще качаюсь в океанских волнах.

Все существо тянулось к покою, к крѣпкому, цѣлительному сну . . .

IX.

ПЕРВЫЕ ШАГИ И НАБЛЮДЕНІЯ „ГРИНГОРНА".

Я пріѣхал в буднiй день, и на завтра, когда встал, то не застал уже дома пріятеля: он уѣхал на

работу в нижнюю часть города, в „даунтаун".

Первые американскіе прикладные уроки я получил, поэтому, от его успѣвшей об'американизироваться жены и, главным образом, от их семилѣтней дочурки, Лиліи. Послѣдняя ревностно занялась моим воспитаніем. Ее и потѣшало, и глубоко поражало то обстоятельство, что такой большой человѣк не знает многих простѣйших вещей.

Она первая, сдѣлав строгое лицо, предупредила меня не „тушить" газа дуновеніем и уж со слов ея матери я узнал о частых случаях гибели только что пріѣхавших иммигрантов, привыкших задувать свѣчку и таким же образом „тушащих" газ.

На комичнѣйшем русском языкѣ, на добрую половину пересыпанном англійскими словами, Лили об'ясняла мнѣ, как отличать звонки посѣтителей от звонков с „дамвейтора," как справляться о цѣнѣ предметов, — и заставила меня заучить наизусть адрес ея квартиры:

— Если вы заблудите ер уэй, то тел дис до полисмен и он будет вам все эксплэйн.

С перваго же дня маленькая Лили,не замѣчая этого, пріучала меня к звуку англійских слов. Позже я убѣдился, что дѣти, лучше всяких спеціалистов-учителей и успѣшнѣе их, вводят иммигранта в круг американских понятій и правильной англійской рѣчи.

В первые дни своего пріѣзда иммигрант чувству-

ет себя совершенно безпомощным и боится затеряться среди милліонов людей, населяющих этот громадный город.

Хочется поскорѣе осмотрѣть Нью Іорк, видѣть чудеса Новаго Свѣта. Но как это сдѣлать?

В нѣскольких кварталах от дома — станція воздушной желѣзной дороги.

Но в какую сторону ѣхать, гдѣ остановиться, и, самое главное, каким образом попасть назад домой?

Вечером пріятель привез мнѣ большую карту Нью Іорка. Он взял на себя задачу научить меня ѣздить по городским желѣзным дорогам.

Мы взобрались на станцію. Он бросил монету в окошечко кассы и показал кассиру два пальца. Полученные два билета он опустил в ящик, и мы прошли на платформу.

Мы поѣхали в даун-таун, кружили по нѣскольким воздушным дорогам, потом пересаживались, все за ту-же пятисентовую монету, в подземную, туннельную дорогу („собвей”), и мой заботливый пріятель привлекал мое особое вниманіе к пересадочным станціям.

На слѣдующій день я совершил свою первую самостоятельную поѣздку по Нью Іорку, и благополучно попал назад домой.

Я был до смѣшного доволен этой удачей: так должно быть чувствует себя младенец, самостоятельно сдѣлавшій первый шаг и все же удержавшійся на

ногах.

Иммигрант в Америкѣ — тот же младенец. Ему приходится учиться элементарным вещам, произносить понятныя другим слова и фразы, а потом и засѣсть за азбуку. . . .

Научившись ѣздить по Нью Іорку, я, попутно с поисками работы, потратил первую недѣлю на ознакомленіе с космополитическим Нью Іорком. Я забирался в китайскіе кварталы около Чатам-сквера, наблюдая уличную жизнь этих таинственных желтолицых людей, с застывшими безстрастными лицами и мягкой осторожной поступью; слышал гортанную рѣчь экспансивных низкорослых итальянцев в „Литтл Итали", этих бѣдных дѣтей солнечной Италіи, легко возбуждающихся и в любой момент готовых ножом и револьвером отстаивать свое право; цѣлые часы проводил на скученном, тѣсном и душном ист-сайдѣ, гдѣ „дѣлают себѣ жизнь" пасынки Россіи и Австріи.

На Мэдисон и Черри стрит я встрѣчал русских крестьян, и здѣсь живущих цѣлыми артелями и подчас устраивающих шумныя пьянки в спеціально русских кабачках - „салунах".

Нѣсколько раз посѣщал Баури, этот своеобразный уголок Нью Іорка, с его подвальными лавками, представляющими копію русских „толчков", дешевыми ночлежными домами, обиліем „бомов," этих прототипов горьковских босяков, и таким же обилі-

ем христіанских миссій, занимающихся здѣсь спасеніем человѣческих душ. Здѣсь впервые мнѣ пришлось натолкнуться на „брэд-лайн", длинный хвост выстроившихся в затылок голодных людей, которым миссіонеры раздавали хлѣб. Сразу жутко стало от этого зрѣлища в богатѣйшем городѣ богатѣйшей в мірѣ республики...

Попадаешь из этих иммигрантских кварталов на пресловутую пятую авеню, с ея специфическим воздухом, отравленным газолином от тысяч безпрестанно мчащихся автомобилей, побродишь по Бродвею, с его гигантскими магазинами, ослѣпительным блеском и оригинальностью оконных выставок, посмотришь бьющіе фонтаны перед дворцами милліонеров, — и воочію видишь соціальныя противорѣчія громаднаго города, с его смѣсью культур и нарѣчій Стараго Свѣта.

Как-то вечером я набрел на переброшенный через Ист-ривер Бруклинскій мост.

Я залюбовался этим мастерским произведеніем строительнаго искусства и не замѣтил, как людская волна хлынула на мост. Это рабочіе возвращались с работы. Не было видно лиц, — угрюмая черная стѣна людей двигалась вперед, долго и безостановочно. И казалось, одна была душа у этой черной массы, однѣ мысли, — смутныя, темныя, порывы которых сдерживались длительной муштровкой, желѣзной дисциплиной воли... Единственный полисмен, стоя

у фонаря, встрѣчал напор толпы, готовый ежеминутно остановить поток, дать ему иное направленіе.

За мостом толпа разсыпалась в разныя стороны.

Сумерки незамѣтно спустились на рѣку и землю и море электрическаго свѣта залило оба берега.

Далеко в морѣ пробивался сквозь легкій туман могучій факел статуи Свободы.

По шумным, переполненным людьми, улицам, сквозь сплошной уличный базар еврейскаго гето поплелся я к станціи воздушной дороги.

Если мнѣ удастся быстро акклиматизироваться в этой странѣ, если счастье улыбнется мнѣ, — я сольюсь с толпой, в которой нельзя различить лиц, исчезну в ней . . .

X.

МОЙ ПЕРВЫЙ „ДЖАБ".

Мой пріятель в настоящее время работает в электро-технической мастерской. Он также профессіональный гладильщик мужских костюмов, маляр и умѣет работать на машинах по выдѣлкѣ металлических пуговиц. В зависимости от сезона, он занимается попеременно то тѣм, то другим.

Мои непривычныя к физическому труду бѣлыя руки привели его к заключенію, что самой судьбой

я предназначен для электро-технической карьеры.

Послѣ пары дней энергичных поисков он явился вечером домой с радостной вѣстью о найденном для меня „джабѣ" в электро-технической мастерской.

Мои свѣдѣнія по электричеству в самую блестящую пору не шли далѣе физики Краевича, но это мало смущало моего пріятеля.

Еще менѣе интересовала моя „образованность" моего перваго в Америкѣ „босса". Это был об'американизировавшійся нѣмец, дважды разорившійся и охотно пользовавшійся дешевым иммигрантским трудом.

Я — младшій помощник в мастерской и должен быстро подавать инструмент, поддерживать лѣстницу, когда старшій помощник или мастер взбирается к потолку, раскатывать проволоку, обрѣзать ее, пилить, прибивать гвозди.

Больше всего приходится работать внѣ подвала — мастерской, на „джабах". Там нужно поставить электрическую вывѣску, здѣсь установить мотор, починить звонки. Одному мастеру трудно справиться без хотя-бы плохонькаго, хотя-бы ничего не смыслящаго в работѣ помощника.

Как „грингорн", я часто служу предметом насмѣшек товарищей по мастерской. Большинство из них — нѣмцы и свободно об'ясняются по англійски. Я кажусь старше многих из них и являющіеся в шап иногда обращаются ко мнѣ с вопросами. К великому

удовольствію нѣмцев, лицо мое изображает в таких случаях вопросительный знак, прежде чѣм я успѣваю произнести универсальную фразу:

— I don't speak English.

Герман, старшій помощник в шапѣ, пытался убѣдить меня произносить другую фразу:

— I am a fool in English.

Но лицо выдало Германа, и я предпочел справиться о значеніи этих слов. Я должен быть увѣрять всѣх обращавшихся ко мнѣ, что я — „дурак по англійски".

Не глупы-ли мы, дѣйствительно, по англійски, „гринеры" этой страны?

Приходится терпѣливо сносить насмѣшки, тѣм болѣе что по существу онѣ носят невинный характер. Большинство этих людей сами долго были „грингорнами" и прошли суровую школу американской жизни.

Всѣ они наперерыв учат меня техническим пріемам работы.

Я учусь соединеніям, с интересом наблюдаю, как рабочій властвует над неизвѣстной ему стихійной силой, и — прислушиваюсь к англійской рѣчи. Мое ухо улавливает уже нѣсколько отдѣльных звуков, пару отрывистых восклицаній.

Первую субботнюю получку, — босс положил мнѣ пять долларов в недѣлю, — я отпраздновал с товарищами по шапу в угловом салунѣ, по сосѣдству с

шапом. Эти разбросанные по всему Нью-Іорку кабачки кажутся сначала россіянину первоклассным буфетом для „чистой" дворянской публики. Но в них не меньше пьянаго угара чѣм в дешевых русских пивных. Мы отвѣдали красной брэнди, выпили пива и, в качествѣ безплатной придачи, закусили бутербродами.

Разноязычіе придавало комичный оттѣнок нашей бесѣдѣ.

Было больше улыбок и доброжелательных похлопываній по плечу, чѣм слов.

Но тѣм не менѣе, мы недурно понимали друг друга.

Так закончилась моя первая американская недѣля.

У меня оставалось около четырех долларов от моих „вэйджес" и был „джаб" на слѣдующіе недѣли, может быть, мѣсяцы.

В переполненном людьми поѣздѣ-экспрессѣ подземной дороги, сдавленный со всѣх сторон людской массой, возвращался я домой и впервые почувствовал твердую под собой почву. Я сознавал, что стал членом, составной частицей того грандіознаго цѣлаго, что называется рабочей арміей Соединенных Штатов. И мнѣ было радостно от этого сознанія.

XI.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Еще не приглядѣлись новыя лица и все еще свѣжи впечатлѣнія новых встрѣч.

Засвѣтло приходишь на станцію воздушной дороги. Горит электричество на заполненной толпой платформѣ. Поеживаясь от холода, безшумно движутся люди. Все молодыя, блѣдныя лица, на которых наложил свою печать громадный город. Много рабочих дѣвушек. Вы их легко узнаете по мѣшковатым костюмам, усталому выраженію глаз, по лихорадочной быстротѣ движеній.

Подходит поѣзд-экспресс. Он уже переполнен пассажирами и нам приходится тѣсниться в проходах вагонов. Поѣзд останавливается на нѣскольких станціях, в вагоны втискиваются новыя толпы рабочих.

Тѣсно прижаты стоящіе друг к другу, нѣт возможности ни двинуться с мѣста, ни поднять или опустить руку. Публика, видимо, привыкла к этому способу передвиженія и добродушно настроена. В одном углу дама, не замѣчая того, щекочет своим шляпным пером лицо стоящаго позади сосѣда. Он увильнул было от пера, но дама сдѣлала еле замѣтный поворот головы и перо угодило ему прямо в нос. Гримасничая, отодвигает он опять голову, и в от-

местку изо всѣх сил раздувает перо по прежнему ничего не замѣчающей сосѣдки. А в задних, плотно стиснутых рядах, наблюдая эту сценку, весело хохочут.

Поѣзд, между тѣм, перебрался на среднія рельсы и несется, с переполненными вагонами, в нижнюю, фабричную часть города, мимо многочисленных промежуточных станцій.

Оглянешься в вагонѣ, — море закрывающих лица газетных листов. Англійскія, итальянскія, еврейскія, нѣмецкія газеты. Их читают джентльмены, чисто, а то и изящно одѣтые. Только по мускулистым рукам вы можете догадаться, что это, большей частью, рабочіе фабрик, мастерских и заводов.

К восьми часам я уже в шапѣ. Мы снимаем с себя пиджаки и облачаемся в „оверолс", плотный и удобный рабочій костюм. Начинается рабочій день.

Вечером, по окончаніи работы, закусишь в дешевом ресторанѣ и, прежде чѣм отправиться домой, побродишь по городу.

Часто наталкиваешься на уличные митинги.

Я слышал суффражисток, соціалистов, евангелистов.

Ничего почти не понимая из их рѣчей, я наблюдаю жесты и лица ораторов, слѣжу за тѣм, как то подымается, то падает настроеніе их слушателей.

Вот говорит что-то зажигательное соціалист. Молодое и энергичное лицо его горит страстностью и

неподдѣльным вдохновеніем. Он кому-то угрожает, сжимая кулаки, саркастически улыбается, задавая какой-то вопрос. Моментами его голос тонет в ободрительных возгласах наэлектризованной толпы.

Весь в бѣлом, стоя на круглом стульчикѣ, проповѣдует с Библіей в руках евангелист. Чѣм-то древним и далеким вѣет от его фигуры. На блѣдном лицѣ блестят, как два уголька, глаза и он то и дѣло молитвенно закрывает их кверху.

В другой раз я натолкнулся на веселаго католическаго патера, умѣло занимавшаго своих слушателей. Он гримасничал, дѣлал уморительные жесты, присѣдал на корточки и то и дѣло тыкал пальцами в своих слушателей, поминутно сыпя остроты. Потом неожиданно и рѣзко мѣнялось выраженіе лица его и он торжественно произносил фразы, от которых моментально стихал смѣх. Через минуту патер опять строил гримасы, паясничал и тыкал пальцами в толпу:

— You, you, and you... are sinners.

С трубами и барабанами проповѣдует „армія спасенія". В уличных концертах участвуют и дѣвушки, в особых формах, в монашескаго фасона шляпках. Поочередно говорят краткія рѣчи, затѣм поют и играют. Старуха в шляпкѣ арміи занята сбором пожертвованій. Что-то трогательное говорит неокрѣпшим еще, дѣтским голосом совсѣм юная дѣвушка. Всѣ опустили головы, вздыхают.

Потом, под звуки труб и барабанов нѣсколько раз повторяют гимн, и котораго я улавливаю заключительный стих:

— Jesus is passing,
Passing by, passing by...

За порядком на митингах наблюдает полисмен. Но вся его забота сводится к тому, чтобы толпа занимала не болѣе половины улицы, оставив достаточно мѣста для проѣзда автомобилей. До содержанія рѣчей ему, повидимому, мало дѣла.

Начал посѣщать правительственную вечернюю школу для иммигрантов. Штаты не жалѣют ни средств, ни денег для скорѣйшей американизаціи иностранцев. Обученіе, конечно, безплатно. В распоряженіи учащихся книги, письменныя принадлежности, бумага.

В моем классѣ — пятьдесят взрослых учащихся. Половина итальянцев и богемцев, другая половина — русских выходцев. Есть и такіе, которым родина не дала грамоты на их родном языкѣ.

Наша школа — просторный, залитый электрическим свѣтом дворец, с широкими корридорами, громадными окнами и множеством классных комнат.

Медленно, по выработанной спеціалистами системѣ, нас вводят в мір американской рѣчи, американских идей.

XII.

КОНЕЦ МОЕЙ ЭЛЕКТРО-ТЕХНИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ.

Не прошло и двух мѣсяцев как я усвоился с ролью помощника в шапѣ и даже научился кое-что дѣлать: умѣл провѣрять электрическіе звонки и хотя медленно, но удовлетворительно вырѣзал замысловатые ключи.

Раза два меня уж самостоятельно посылали на мелкія починки. При этом я должен был провозиться с работой, как бы ничтожна она не оказалась, не менѣе часу: рабочій час при вызовѣ рабочаго оцѣнивается в 75 сентов. Но иногда и послѣ часу добросовѣстнаго копанья над замком я не умѣл собрать как слѣдует частей. В таких случаях приходилось с видом знатока углубляться в работу, пока на спасеніе не приходил из шапа мастер.

В одно прекрасное утро двух мастеров и меня, в качествѣ помощника, командировали на работу в отель на пятой авеню. Нам предстояло оградить аппарат для измѣренія давленія воздуха и провести в подвальном этажѣ нѣсколько лампочек.

Этот отель, один из величайших в странѣ, представляет собой грандіозное сооруженіе в четырнад-

цать этажей, блещущее пышностью и роскошью. Здѣсь иногда останавливаются во время их пребыванія в Нью-Іоркѣ президент республики и министры, и сотни богатых людей, для которых домашній очаг потерял свою прелесть, имѣют здѣсь постоянные аппартаменты.

С задняго хода нас спустили по под'емной машинѣ во второй подвальный этаж, представляющій собой электрическую станцію. Машинное отдѣленіе занимает просторный, перегороженный в нѣскольких мѣстах, зал. Позади помѣщаются топки. В стѣну упираются шесть громадных печей, и столько же кочегаров, по одному на печь, каждые двѣ-три минуты подсыпают уголь. Они в одном нижнем бѣльѣ, в широко разстегнутых рубахах без рукавов.

Как раз против печей находится аппарат, который мы должны оградить желѣзной будкой.

Когда открываются пасти печей, невыносимый жар обдает людей. Сдерживая дыханіе, кочегары сыпят уголь в ненасытную утробу топок и, захлопнув дверцы, спѣшат под трубы, дающія приток холоднаго и свѣжаго воздуха.

Уже через четверть часа я почувствовал головокруженіе от нестерпимой духоты и, став под трубу, с наслажденіем вдыхал в себя морозный воздух.

К обѣду я весь был в поту и голова была словно налита свинцом.

Обѣд нам подали в рабочей столовой, позади

кухни, во втором подвальном этажѣ.

Пришлось проходить мимо кухни. Внушительных размѣров зал был весь уставлен столами и печами, вокруг которых копошились свыше ста поваров, не считая арміи маленьких, одѣтых во все бѣлое, поварят. А посреди зала, за письменным столом, возсѣдал важный барин во фрачной парѣ, поминутно отдавая по телефону распоряженія: это была знаменитость в мірѣ гастрономіи, главный шеф над поварами отеля Астор. Соотвѣтственных размѣров была и рабочая столовая. Здѣсь ежедневно обѣдало свыше тысячи лакеев, швейцаров и всяких рабочих отеля.

Незамѣтно прошел обѣд, и надо было опять идти в ад роскошнаго отеля.

Через пару часов я охрип и еле мог передвигать ноги.

Ошалѣлый, ничего не слыша за шумом машин, я бросил работу и направился прямо домой, игнорируя предостереженія Германа.

Я оказался сильно простуженным и не мог выходить из дому в теченіи трех дней.

Когда я снова явился в мастерскую, на моем мѣстѣ стоял уже молодой ирландец.

— You are laid off, — сообщил мнѣ старшій. мастерской.

Моей электро-технической карьерѣ пришел быстрый и неожиданный конец.

XIII.
В ПЕРІОД БЕЗРАБОТИЦЫ.

Знакомлюсь с прелестями американской безработицы.

Соотечественники, когда просишь их достать работу, справляются:

— Что умѣете дѣлать?

Мой отвѣт, сопровождаемый демонстраціей бѣлых, не успѣвших еще огрубѣть рук, мало смущает их.

— Подождите, вот начнется сезон, я вас возьму на красильную работу.

— Не хотите-ли пришивать воротники? Только погодите немного, теперь как раз „слэк".*)

Легче, конечно, найти работу профессіональному рабочему. В рядѣ производств, особенно ремесленных, цѣнят европейских рабочих, имѣющих, обыкновенно, болѣе разнообразную подготовку по своей спеціальности.

Но в американской промышленности хватает мѣста и для человѣка без профессіональных знаній, и даже для желающаго работать бѣлоручки.

Только бы поскорѣе начался сезон и окончился

*) „Слэк" — застой.

этот проклятый „слэк", когда падает спрос и на красильщиков, и на электро-техников, и на пришивателей воротников...

За пару часов до разсвѣта я уже на ногах. В вагонѣ воздушной дороги просматриваешь об'явленія газет о поискѣ рабочих. Утреннія газеты — популярныя биржи труда. В иных десять — пятнадцать столбцов переполнены об'явленіями о спросѣ и предложеніи труда. Тут самый разнообразный выбор занятій. Вновь открывающейся фабрикѣ нужно 150 человѣк, опыт какой-либо не обязателен. Престарѣлому джентльмену понадобился воспитанный и тактичный молодой человѣк в качествѣ личнаго друга, с преміей. — ежедневно два часа катать джентльмена в инвалидном креслѣ. За 50, 60, 75 долларов вы можете стать шоффером. Талантливым, сногсшибательным шоффером, — и в теченіи всего трех недѣль. Около ста фирм нуждаются в конторских служащих. Столько же магазинов ищет юношей для изученія приказчичьяго дѣла.

Я направлялся, конечно, в мѣста, гдѣ требовалось много рабочих. Как ни бодро было впечатлѣніе от длинных столбцов спроса труда, оно мѣнялось, когда я переходил к колоннам предложенія рабочих рук. Я даже как то подсчитал, что на каждаго искомаго рабочаго приходится девять кандидатов.

Опыт научил меня осторожно разбираться в об'явленіях и не попадаться на удочку. Явившься в кон-

тору, ищущую „100 энергичных, предпріимчивых юношей," затратив два „никеля" на проѣзд, а тебѣ предложат, вмѣсто работы, „дешево" купить матеріалы или инструменты, а то за „баснословно дешевую" плату готовиться в телеграфисты.

Встав как-то ранѣе обыкновеннаго, я первым экспрессным поѣздом направился в „даун-таун", гдѣ на металлическую фабрику требовалось 150 рабочих. Я был на мѣстѣ в семь часов, за час до назначеннаго времени, и тѣм не менѣе застал уже там длинный хвост ожидавших людей.

Через нѣсколько минут за моей спиной тянулась длинная линія безработных.

Ровно в восемь у ворот появился „сюперинтендент". Он бѣгло осматривал кандидатов, коротко опрашивал и принятых пропускал в ворота. Десятка на два человѣк не дойдя до меня, он широко развел руками, показывая, что набор кончен, и исчез в воротах. Уныло разбрелась толпа разочарованных безработных.

Поплелся и я, присматриваясь к лицам моих товарищей по несчастью. Вдруг мелькнуло знакомое лицо. Сомнѣній нѣт, — это был фармацевт Марков, вмѣстѣ со мною пріѣхавшій на „Курскѣ" в Новый Свѣт. Он тоже замѣтил меня и привѣтствовал широчайшей улыбкой.

Марков ѣздил первым классом и выдѣлялся на пароходѣ своей неугомонностью и беззаботностью.

Он направлялся к богатым американским дяденькам и тетушкам и мало, казалось, думал о будущем. Он и теперь одѣт с иголочки, но есть что-то в его лицѣ, в выраженіи глаз, что я часто подмѣчаю у выбитых из колеи жизни, еще не осѣвших на новой почвѣ „гринеров". В их глазах вѣчно свѣтится голодное выраженіе, в них еле замѣтно сквозит что-то ищущее и ненасытное.

Мы зашли в кофейную, и словоохотливый Марков подробно разсказал мнѣ свои американскія злоключенія. У об'американизировавшихся родственников он прожил ровно два дня. С русскими понятіями о гостепріимствѣ, его покоробило то обстоятельство, что чуть-ли не через час по его пріѣздѣ предусмотрительные родичи давали ему совѣты как искать работы.

Он стал искать занятій по своей спеціальности, обходя русскія аптеки. В маленькой аптекѣ в „даунтаунѣ" достался ему первый джаб. Самостоятельно завѣдывавшему в Россіи аптекой, ему пришлось здѣсь занять положеніе аптекарскаго „боя", мыть посуду, чистить полки, разносить по домам лѣкарства.

Гордый фармацевт не выдержал этой роли, предпочтя долю рабочаго. Смѣлый и находчивый, мало чѣм смущающійся, он не останавливался перед незнаніем англійскаго языка. Случайно он познакомился с рабочим при мужских рубахах и рѣшил в

свою очередь стать „оперейтором". Знакомый свел его в мастерскую, показал несложные пріемы работы. Потом по утрам долго бродил он по даун-тауну, разыскивая по об'явленіям мѣста, гдѣ требовались „оперейторы".

На Пайн стрит он набрел на об'являеніе:

— Girl operators wanted.

Марков рѣшил, что „гойрлс" — особый разряд „операторов". Куда не шло, надо получить работу. И Марков рѣшительно направился в контору и обратился к клерку с твердо заученной фразой:

— Ай вонт войрк.

Клерк, улыбаясь, об'яснил, что фирмѣ нужны „гойрлс-оперейторс".

Марков понял лишь, что клерк подтверждает факт, что здѣсь нужны рабочіе. Неужели эта „гойрлс"-машина такая сложная, что он не справится с нею? И набравшись храбрости, он увѣренно заявил:

— Ай вонт войрк. Ай — гуд гойрл аперейтор.

Что-то дрогнуло в лицѣ клерка и он, сорвавшись с мѣста, исчез в глубинѣ конторы. Через минуту у дверей толпилось около десятка человѣк, а в сосѣднюю дверь просунулось нѣсколько женских головок.

— Are you really a girl operator? громко спросил его опять клерк.

Возбужденный, чувствуя, что что-то неладно, но желая выяснить вопрос, дадут ли ему работу, Мар-

ков преднамѣренно громко повторил:

— Ай вери гуд гойрл опе...

Закончить фразу ему не удалось, и его голос потонул в дружном и оглушительном взрывѣ смѣха. Хлопнув дверью, Марков стремительно вылетѣл из конторы фабрики, требовавшей каких-то таинственных „гойрлс" — операторов.

— „Теперь", — весело закончил свое анекдотическое приключеніе Марков — „я знаю уже, что „гойрл" — дѣвушка и едва-ли стану кого-либо увѣрять, что я — баба".

Послѣ долгих поисков Марков попал, наконец, в шап. Но его оттуда выжили юніонисты, требовавшіе юніонной карточки. В правленіи же юніона с него потребовали вступительный взнос, казавшійся тогда крупным капиталом в его глазах. С тѣх пор Марков часто мѣнял шапы, пришивал воротники, получая два сента с дюжины, гладил бѣлье, точил иголки.

Теперь же, как и я, он переживал період безработицы.

Эта встрѣча с Марковым не осталась без послѣдствій. Русскій фотограф, котораго я знал еще в Россіи, давно уж предлагал мнѣ заняться уличной фотографіей. Бушмэн, — так звали моего пріятеля, „сдѣлал деньги" на уличной фотографіи и предсказывал и мнѣ успѣх. У него, кстати, была старая камера и он готов был проявлять и печатать мою работу. Моя

задача сводилась бы, таким образом, лишь к производству уличных снимков и полученію и доставкѣ заказов на дом.

Но для этого дѣла необходим партнер. Трудно одному справиться с этим дѣлом, а тѣм болѣе „гринеру".

Я предложил партнерство Маркову. Он еще хуже меня владѣл англійской рѣчью, но я разсчитывал на другія его качества, и, главным образом, на его непринужденность в обращеніях с людьми.

Марков тут-же принял мое предложеніе. Ему надоѣло работать в душных шапах и улыбалась перспектива вольной работы на улицѣ, гдѣ ты сам себѣ хозяин и гдѣ не слышно будет нервирующаго окрика „формана" шапа:

— Hurry up!

В нетерпѣніи Марков предложил тотчас-же отправиться к Бушмэну для выработки опредѣленных условій работы.

К вечеру того-же дня мы не были болѣе безработными и вообще нас нельзя было отнюдь причислить к классу пролетаріев.

Я был управляющим, („мэнеджером") общества, под громким названіем:

— The International Photo View Company of New York.

Марков ограничился болѣе скромным постом полномочнаго „представителя" этой компаніи.

XIV.

НА ПОЛѢ УЛИЧНОЙ ФОТОГРАФІИ.

В Нью Іоркѣ имѣется около полуторы тысяч фотографических компаній, подобных основанному Марковым и мною. Большей частью, такая компанія состоит из двух человѣк, но нерѣдко в одном человѣкѣ совмѣщаются всѣ отвѣтственные посты „компаніи" под каким нибудь громким, сногсшибательным названіем.

Уличные фотографы облюбовывают себѣ какой нибудь раіон и с утра до вечера проводят на улицѣ. Снимают, большей частью, дѣтей. Не всякая мать пойдет в фотографическую студію, гдѣ и дорого, и куда надо заранѣе подготовиться. На улицѣ все проще и дешевле. Услужливый уличный фотограф поставит колясочку под деревом, снимет у крыльца дома, у собственной калитки. Многіе фотографы ходят с аппаратами, тут-же изготовляя на тонкой металлической пластинкѣ карточки. Эти дешевые пятисентовые фотографы теперь не в модѣ и в немилости; публика убѣдилась в недолговѣчности моментально изготовляемых карточек. Мы с Марковым — аристократы уличной фотографіи и готовим „настоящія" карточки, какія получаются в студіях, хотя и берем значительно дешевле послѣдних.

Несмотря, однако, на „высокое" положенiе среди других уличных фотографов, невесело пришлось нам в первыя недѣли.

Бушмэн, казалось, прекрасно подготовил меня к производству снимков и у него в студiи я легко и свободно наводил фокус на разнообразные об'екты. Но на улицѣ дѣло было совсѣм иначе. Ножки аппарата скользили, не работал затвор ленса и вмѣсто снимаемаго в фокусѣ оказывались служащiе магазинов, школьники и другiе разнообразные об'екты. Камеру приходилось устанавливать на улицѣ и с непривычки нервировал шум приближающагося трамвая или автомобиля.

С потупленными головами, словно приговоренные, сидѣли мы в темной лабораторiи Бушмэна, когда он, проявив наши двадцать снимков за всю первую недѣлю, об'явил, что из них ничего не получилось на двѣнадцати, какiя-то неопредѣленныя массы имѣются на семи, а на единственной пластинкѣ, запечатлѣвшей дѣтское личико, отчетливо виднѣется рука снимавшаго.

А мы с Марковым гадали, сколько дюжин карточек возьмет снявшая двух дѣтей и собачку богатая дама и как торжественно отпразднуем мы полученiе перваго дивидента нашей компанiи...

Прошло нѣсколько недѣль, и мы испортили дюжин шесть пластинок, прежде чѣм наш хлопотливый и утомительный труд стал приносить результа-

ты. Я был „оперэйтором" и носил камеру, а Марков, с образцами Бушменовскаго искусства в руках, был „кол-аутменом" (зазывателем). Он останавливал встрѣчных дам, гулявших с дѣтьми, и убѣждал их воспользоваться исключительным случаем и исключительной погодой для снимка дѣтей в натуральной обстановкѣ городской жизни. И Марков, и я твердо произносили цѣлый ряд рекламных англійских фраз, которым научил нас старый воробей уличной фотографіи, Бушмен.

Мы знали, что одно надо сказать дамѣ с ребенком, другое — дамѣ с собакой, третье — дамѣ без дѣтей или собачки, разгуливающей около собственнаго садика, — и четвертое, совсѣм не похожее на обращенія к дамам, развозчикам, парикмахерам и мясникам, часто и охотно прибѣгающим к уличной фотографіи.

Часто мы мѣнялись ролями, и тогда я рыскал по улицам в поисках дам с дѣтскими колясочками или собачками, а Марков с видом большого знатока устанавливал камеру, в самый послѣдній момент уступая мнѣ мѣсто для производства снимка.

Уличный фотограф — до извѣстной степени популярное лицо на нью-іоркской улицѣ. Его обычно сопровождает, как и другого героя улицы, шарманщика, цѣлая свора дѣтей. Для „джэниторов"*), мо-

*) Нѣчто вродѣ наших дворников.

лочников, чистильщиков улиц и разнаго рода развозчиков он свой человѣк, „Джек", с которым раскланиваются запросто, с которым всегда можно пошутить, перекинуться парой слов.

Здѣсь, на улицѣ, быстро улавливаешь своеобразные обороты народной рѣчи. Это не литературный англійскій, а уличный язык, — „слэнг", против котораго предупреждают школьные учителя, но на этом „слэнгѣ" говорят коренные типы нью-іоркской улицы и день-деньской мы прислушиваемся к их говору.

Обѣденный перерыв мы проводим, обычно, в салунѣ, избирая такіе, в которых к стакану пива полагается безплатно тарелка горячаго супа. Мы заказываем потом десятисентовое мясное блюдо, — и обѣд с пивом обходится нам в 15 сентов.

Салунщик привѣтливо находит безопасное мѣсто для нашей камеры и подает нам „спешіал" стаканы пива. Знает он, что уличные фотографы народ серьезный и положительный, и что порціи им полагаются спеціальныя.

Несмотря на усиленный труд, уличная фотографія, послѣ уплаты доли Бушмена, не приносила нам болѣе 7—8 долларов в недѣлю. Бушмэн об'яснял это нашей неопытностью при полученіи заказов и предсказывал лучшія дѣла в будущем, но Маркову надоѣло хожденіе по нью-іоркским улицам и приставаніе к дамам с дѣтьми. Скоро ему представился случай поступить на фабрику по выдѣлкѣ матрацов, и

он, ни минуты не колеблясь, промѣнял фотографическое искусство на подвальный шап.

Я остался один на полѣ битвы...

Каждую недѣлю я мѣнял раіон, и во всѣх частях Нью-Іорка и Бруклина у меня завелись пріятели из уличной дѣтворы.

Чтобы оградить себя от набѣгов банд мальчишек, нѣсколько раз ломавших мнѣ пластинки и дважды испортивших мою камеру, я избирал среди окружавшей меня толпы мальчиков наиболѣе сильнаго, самаго дерзкаго драчуна и громогласно об'являл его моим „ассистентом". Предвкушая наслажденіе мороженным, — это была обычная плата „ассистентам", — застрѣльщик маленьких вояк мгновенно превращался в свирѣпаго полицейскаго, держа маленькую публику на почтительном разстояніи от камеры.

Бойче всего, конечно, шла работа по воскресеньям и праздникам. Иногда в одном раіонѣ сталкивались двое, а то и трое фотографов. Мы дружески здоровались, и, не замѣчая друг друга, продолжали работу.

Наловчившись на снимках, я нашел болѣе выгодным ликвидировать дѣла основанной мною „фотографической компаніи" и перейти на службу к настоящему фотографу. Спеціальностью послѣдняго была разсылка людей на уличную работу. У него бы-

ло пятнадцать камер и в хорошую погоду он высылал 30 человѣк.

Моя роль и тут свелась преимущественно к снимкам. Переговоры и уговариванія дам пали на долю моего спутника, длинноногаго Джемса, тонкаго знатока нью-іоркских и бруклинских трущоб.

Я получал два доллара в день, а Джемс — два с половиною. Рабочій день был неопредѣленный, — мы обязаны были принести не менѣе двадцати четырех снимков, независимо от количества затраченнаго времени.

Джемс сильно пересаливал в своем усердіи запечатлѣть в камерѣ дѣтскія личики. Ему ничего не стоило почти насильно взять колясочку из рук матери и отвезти ее в тѣневую сторону для снимка. Достаточно было ему замѣтить нотку нерѣшительности в отвѣтѣ дамы, — и он уж не отставал от нея до тѣх пор, пока не был сдѣлан снимок. Высокій и статный силач, он одним своим видом побѣждал сомнѣвающихся.

В удачные дни мы к полудню имѣли двѣ дюжины снимков и рано возвращались домой. В пасмурные и дождливые дни мы ни с чѣм отправлялись на квартиру хозяина.

Помимо дѣтей, мы снимали дома, лавки, свадебныя процессіи, группы учащихся. Не обходилось дѣло и без снимков мертвых. Запечатлѣлся в памяти первый такой снимок. Это было в кварталѣ богачей,

на вест-сайд. Дама вся в черном пригласила нас сдѣлать снимок в ея домѣ, завѣрив, что там достаточно и пространства, и свѣта.

Мы поднялись на третій этаж большого стариннаго дома и очутились в просторной, наполненной людьми, залѣ. В переднем углу, вся утопая в бѣлых цвѣтах, лежала в гробикѣ дѣвочка шести - семи лѣт.

Пришлось переставить гробик к свѣту и открыть стеклянную дверцу. От неловкаго движенія трупик покачнулся и едва не выпал снаружи. В этот самый момент дикій и протяжный вопль матери, как крик раненной птицы, потряс воздух...

На 90-х улицах, за Центральным парком, мы работали в негритянских кварталах. Здѣсь впервые мнѣ пришлось столкнуться с чернолицыми семьями. Еще не исчезла приниженность и прибитость этих бывших рабов, и всякій бѣлый человѣк в их домѣ как бы явленіе из другого, чуждаго им и враждебного міра.

С наступленіем холодов пришлось оставить уличную фотографію. Спеціалисты этого дѣла круглый год работают на улицѣ с камерой. Но судя по моим успѣхам в лѣтніе дни, я рѣшил, что к спеціалистам ни в коем случаѣ не принадлежу и что овчинка едва-ли будет стоить выдѣлки.

К тому же, и мнѣ надоѣло быть „героем" нью-іоркской улицы, одним из ея „Джеков."

И я уступил другим поле уличной фотографіи.

XV

SWEAT SHOP.

Около мѣсяца я пошатался без постоянной работы, перебиваясь остатками с фондов от моей фотографической дѣятельности да случайно перепадавшими „джабами": два вечера был билетером в мелком театрѣ на Баури, исполнил чертежную работу русскому контрактору и, волей судеб, попал в актеры движущихся картин.

По об'явленію требовалось тридцать „прилично одѣтых, интеллигентных людей". Явилось свыше двухсот, но на этот раз мнѣ посчастливилось, и я оказался в числѣ избранных. Нам вкратцѣ об'яснили чего от нас требовалось и разставили по мѣстам, у входа в Центральный парк. До сих пор не знаю, что это была за кинематографическая картина, но было в ней много трагических моментов.

По данному сигналу мы бросились в погоню за молодым человѣком, игравшим роль героя кинематографической драмы. Толпа должна была проявлять высшее возбужденіе и требовать почему-то линчеванія юноши. Мы догнали его и с угрожающими жестами потащили к дереву. Но в эту минуту к толпѣ, размахивая руками, бросается молодая прекрасная

дѣвушка. Исполнявшая эту роль профессіональная актриса не произносила ни слова, но губы ея безпрестанно шевелились и лицо отражало глубокую душевную муку. Эта игра без слов вызвала ироническія замѣчанія со стороны толпы набранных с улицы актеров. Окрик руководившаго постановкой, игравшаго роль зачинщика ѳолпы, вернул всѣх к исполненію странных обязанностей.

— Теперь отпустите его! Склоняйте перед ним головы, — раздалась команда руководителя.

Юноша и „спасшая" его героиня взялись за руки и дважды прошли мимо безпрерывно работавшей кинематографической камеры. А мы направились к нанявшему нас джентльмену и получили от него по бумажному доллару.

К этому времени относится мое первое знакомство с системой „выжиманія пота" в нью-іоркских „sweat shops". Я попал в большой шап, гдѣ изготовляются мужскія рубахи, и воочію убѣдился, каких размѣров может достигнуть эксплоатація человѣческаго труда.

Труд в этом шапѣ распредѣлен был до мельчайших подробностей. Одни прикраивали рубахи, другіе пришивали воротники, третьи прикрѣпляли пуговицы. На мою долю выпало пришиваніе воротников. Этому искусству я свободно научился в полчаса, хотя до этого времени не имѣл понятія о швейной машинѣ. Не требуется ничего, кромѣ навыка и

нѣкоторой ловкости, чтобы подставлять воротники под электрическую пришивалку.

В этой до нудности однообразной и томительной работѣ все искусство работы заключается в ея скорости. Нам платили по полтора сента с дюжины пришитых воротников. Чтобы выработать доллар, нужно было прикрѣпить к рубахам 800 воротников. Каждую рубаху надо было развернуть, найти верх лицевой стороны, подставить под машину и, вдобавок, наблюдать за правильностью рисунка. Должны были совпадать линіи рисунка, иначе приходилось пороть сшитое и дѣлать все заново.

За первую недѣлю томительнаго труда в „свэт - шапѣ" я заработал ровно два доллара, пришив 1600 воротников. Через мѣсяц я свободно справлялся с 1000 воротников в день. Руки наловчились дѣлать привычныя движенія, и с каждым днем упрощались сами собой пріемы, повышая производительность труда.

Мужчин в шапѣ было мало. Три четверти составляли дѣвушки - итальянки. Нѣкоторыя по нѣсколько лѣт работали в таких шапах и умудрялись при этой скудно оплачиваемой поштучной работѣ зарабатывать до двѣнадцати долларов в недѣлю.

Шап помѣщался на третьем этажѣ грязнаго закоптѣлаго дома и его окна упирались в сѣрую каменную стѣну сосѣдняго дома. К нам никогда не проникало солнце. Длинными рядами тянулись по все-

му помѣщенію машины и день-деньской в ушах стоял гул работающих моторов.

Единственный раз в недѣлю, в день расплаты с рабочими, нас удостаивал посѣщеніем „босс". Это был плотный и высокій человѣк, с круглым лицом, на котором выдѣлялись большія плотоядныя губы. Он усаживался в глубокое кресло, закуривал толстую сигару и, не глядя в лица рабочих, уплачивал деньги. Лишь изрѣдка, вручая конверт молоденькой и привлекательной работницѣ, он медленно подымал отяжелѣвшія вѣки.

Работа в этом шапѣ дѣйствовала притупляюще. Послѣ рабочаго дня странная истома овладѣвала тѣлом. Тянуло к отдыху, и я забывался тяжелым, неспокойным сном. Но он не приносил желаннаго покоя. И во снѣ я продолжал бывало пододвигать рубахи под машину и иногда всю ночь видѣл пред собою груды наваленных бѣлых и цвѣтных матерій.

Неудивительно, что я с радостью оставил „свэт - шап", когда представилась возможность заняться интеллигентным трудом, хотя послѣдній и был только кратковременным.

Жившему в Вашингтонѣ соотечественнику понадобилось нѣсколько людей для статистической работы. Я предложил свои услуги, и онѣ были приняты. На слѣдующее же утро поѣзд уносил меня из Нью Іорка в столицу Соединенных Штатов.

Уж болѣе года жил я в странѣ янки, но толь-

ко впервые из окна вагона видѣл американскій лѣс и дышал неотравленным воздухом американских полей.

XVI

В ВАШИНГТОНѢ.

Немудрено, что главной достопримѣчательностью города Вашингтона мнѣ показалось отсутствіе заводских труб, казарменных квартирных домов и грохота воздушных желѣзных дорог. Не чувствовалось того учащеннаго темпа жизни, который так поражает и захватывает иностранца в Нью Іоркѣ. Ровно и медленно двигались по улицам люди, совсѣм не по столичному грѣлись на солнышкѣ у своих домов старики, и не спѣша проносились закрытые автомобили и кареты.

Не было видно нигдѣ и нью-іоркских толп, и по числу людей на улицах зданія казались несоотвѣтственно большими и излишне просторными. Эта мысль приходит в голову еще на грандіозном вокзалѣ „Юніон - стэйшон", с его ожидальной залой в 220 футов длины, в которой легко помѣстится армія в 50,000 человѣк, то есть, одна шестая всего наличнаго населенія Вашингтона.

Я устроился в дешевеньком отелѣ на Пеннсиль-

вэнія авеню, в 20 минутах ходьбы от Бѣлаго Дома.

На второй же день я работал, — в сказочном по красотѣ и ослѣпительном по блеску дворцѣ Библіотеки Конгресса. Казались сном всѣ нью-іоркскія мытарства и чудился страшным кошмаром шумный и душный шап с бѣдными итальянками.

В этой библіотекѣ соотечественнику отведена была особая комната для статистических работ, и ежедневно я восемь часов проводил в этом грандіозном и хорошо управляемом царствѣ книг.

Нижній зал у параднаго входа, в который ведут широкія рѣзныя двери, представляет собою шедевр мозаичнаго искусства. Американцы с гордостью называют этот уголок „видѣніем полированнаго камня" Двѣ грандіозныя женскія фигуры с обоих сторон зала с свѣтящимися электрическими факелами в руках, указывают путь по блестящей мраморной лѣстницѣ к украшенным стѣнной живописью галлереям. Стѣнной живописи вообще много в Библіотекѣ Конгресса. Работа выполнялась исключительно американцами, но странно поражает отсутствіе в них чисто-американских мотивов. Греческія богини и музы, картинки из александрійской и египетской эпох, библейскія сцены... Но если бѣдна оригинальностью стѣнная живопись, то она за то блещет исполненіем. Увѣрен и закончен рисунок и кажется занесенным на стѣну легкой и мягкой акварелью.

Зданіе библіотеки построено в стилѣ Ренессан-

са. Большинство же общественных зданій в Вашингтонѣ построены в греческом стилѣ.

Повсюду неизмѣнныя іоническія колонны, копіи с колонн в храмѣ Минервы, коринфскія коллонны. В архитектурѣ молодая американская нація не пошла дальше подражанія древним.

Невольное волненіе охватывает иностранца, когда он подымается по широким ступеням главнѣйшей достопримѣчательности города Вашингтона, — его Капитолія, вмѣстившаго в себѣ высшія государственныя учрежденія республики. Хочется еще перед входом снять шляпу, идти с склоненной головой в святилище американской націи. Но рядом идут группы чистокровных американцев и проходят в дверь, не обнажая головы.

В ротондѣ много людей, и всѣ они с покрытыми головами.

Палата представителей, сенат, высшій федеральный суд — обыденныя вещи для янки, и он не преклоняется пред им же созданным.

Из украшенной исторической живописью ротонды попадаешь в Зал Статуй. Он построен в стилѣ греческаго театра, с мраморной коллоннадой, аркой и потолком, копіей с потолка римскаго Пантеона. Когда-то в Залѣ Статуй происходили засѣданія палаты представителей. Теперь, в память замѣчательных парламентских дѣятелей, выступавших в этом залѣ, он превращен в „залу славы" и заполнен ста-

туями. Каждому штату предоставлено право помѣстить двѣ статуи своих самых выдающихся сынов со времени независимости Штатов.

Палата представителей занимает лѣвое крыло Капитолія, сенат — правое.

Мѣста депутатов в нижней палатѣ расположены полукругом, в центрѣ котораго помѣщается высокая кафедра спикера. Потолок зала, весь из панельнаго стекла, дает мягкій и ровный полусвѣт.

Лишь в исключительных случаях обсужденія важных вопросов галлереи бывают переполнены зри телями. Небольшія деревянныя рѣшетки отдѣляют одну от другой галлереи публики от лож сенаторов, министров и дипломатическаго корпуса.

Вся соціально-экономическая жизнь Соединенных Штатов тѣснѣйшим образом связана с Капитоліем. Здѣсь создаются законы для всей страны, здѣсь строилась, крѣпла и об'единялась могущественная республика. Всѣ рыцари американской общественности, создатели ея культуры творили и дѣйствовали в стѣнах Капитолія. Вебстер и Адамс, Клэй и Линкольн были в числѣ создававших его славу.

Вечером ярко освѣщенный купол Капитолія извѣщает населеніе о том, что происходит ночное засѣданіе законодательной палаты.

Плавно и ровно идет хорошо налаженная законодательная работа. Вся практическая работа производится в коммиссіях. Общія собранія производят

лишь сводку законодательной „вермишели". Демократы составляли в это время большинство в палатѣ представителей, и их противники, республиканцы, частенько выступали с критикой большинства. Но не было и казались невозможными эксцессы, ставшіе давно одним из „бытовых явленій" в нашей отечественной каррикатурѣ на народное представительство.

Я слышал чтеніе Ондервудом законопроэкта о пониженіи тарифов на шерсть. Это было во время президенства Тафта, впослѣдствіи наложившаго „вето" на этот билл.

Ондервуду возражал республиканец, котораго докладчик потом именовал „джентльменом из Кентоки". Это обычная форма обращенія к конгресмену:

— Не угодно-ли будет джентльмену из Миссури об'яснить этот пункт джентльмену из Массачусетса?

— Что по этому поводу может возразить уважаемый джентльмен из Нью-Іорка?

Оглядываюсь в залѣ, ища „крайнюю лѣвую" и „крайнюю правую" фракціи. Увы, крайній лѣвый фланг занимают депутаты поддерживающей правительство партіи. Не было типов наших отечественных „диких помѣщиков" и на крайней правой, которую занимали демократы, а кресло единственнаго соціалистическаго депутата из города Мильвоки затерялось гдѣ-то среди республиканских рядов.

Торжественнѣе и импозантнѣе происходят засѣ-

данія федеральнаго сената, иронически называемаго „вашингтонским клубом милліонеров".

По обѣим сторонам Капитолія построены громадныя бѣлыя каменныя палаты. В одном отведены частные кабинеты депутатам нижней палаты, в другом — сенаторам. Каждому народному представителю полагается канцелярія и пріемная для посѣтителей.

Круглый год в Вашингтонѣ бывают десятки тысяч туристов со всѣх концов Соединенных Штатов. В торжественных случаях, как например, в день инагураціи новаго президента, населеніе столицы часто удваивается за счет иногородних.

Главная и единственная промышленность столицы, — говорят в шутку вашингтонцы, — политика. К этому можно бы добавить: и туристы.

Обрабатывающая промышленность почти совершенно отсутствует в Вашингтонѣ. Не дымятся трубы, никогда ничего не слышно об угрожающих промышленных конфликтах. Это город политических дѣятелей и чиновников. Вмѣсто рабочих, спѣшащих утром в шапы и фабрики, вы видите на улицах толпы клерков разнообразных вѣдомств и учрежденій, спѣшащих в свои концеляріи.

Любопытны вашингтонскія площади. Их много и на каждой по нѣсколько статуй. Увѣковѣчена память доброй половины президентов, дѣятелей освободительной эпохи, генералов, судей, адмиралов.

Смотришь, и дивишься: не слишком ли много національных героев у молодой американской націи?

Памятники на площадках, монументы в парках, на перекресткѣ улиц.

Внушителен монумент, воздвигнутый у рѣки Потомак памяти Георга Вашингтона. Это обелиск высотой в 555 футов, с верхушки котораго открывается великолѣпный вид на долину Потомак, столицу и прилегающія к ней окрестности. Сотни туристов ежедневно подымаются вверх полюбоваться зрѣлищем города с высоты птичьяго полета.

Весь Вашингтон буквально состоит из достопримѣчательностей. Не говоря уже о національных учрежденіях и зданіях, площади, базары, даже нѣкоторыя лавки представляют собою историческія реликвіи для американских патріотов.

Бѣлый Дом, жилище главы республики, по красотѣ и роскоши далеко уступает нью-іоркским дворцам милліонеров.

При первом взглядѣ на Дом мнѣ вспомнились богатыя дворянскія помѣстья на Руси, с их екатерининской баллюстрадой.

Как и прочія общественныя зданія, Бѣлый Дом, за исключеніем, конечно, жилых комнат президента, открыт для обзора публики. Можете сколько угодно любоваться обстановкой корридоров, выставкой китайской посуды бывших президентов, портре-

тами бывших хозяек Бѣлаго Дома и пышной декораціей „восточной" залы, гдѣ когда-то президенты устраивали, время от времени, публичные пріемы.

Ежедневно спеціальные, оплачиваемые за счет правительства, гиды ведут группы туристов по всѣм закоулкам федеральных учрежденій.

В государственном казначействѣ, великолѣпном зданіи, построенном по сосѣдству с Бѣлым Домом, посѣтителям показывается весь процесс производства, печатанія и сжиганія бумажных денег. В одной из кладовых на столѣ лежит для выставки груда золотых монет. Эта кучка желтых кружочков составляет ровно один милліон долларов.

Демонстрируется, в особой комнатѣ, новѣйшій магератор, аппарат для уничтоженія негодных бумажных денег, которым управляет дѣвушка - клерк. Гид с улыбкой показывает эту живую достопримѣчательность Соединенных Штатов. Она — самая расточительная молодая дѣвушка во всем мірѣ, и ежедневно уничтожает по милліону долларов. Свой рекорд она побила в президенство Рузвельта, когда в одно утро сожгла цѣнных бумаг на 151 милліон долларов.

Художественной достопримѣчательностью столицы является подаренная городу галлерея Коркорана. Здѣсь много компиляцій греческаго пластическаго искусства, безцѣнные образцы инкрустаціи древних эпох и новѣйшаго времени, но сравнительно не-

много современных работ. Оригинальных американских произведеній мало, и едва-ли что либо займет крупное мѣсто в исторіи живописи и скульптуры.

Несмотря на отсутствіе в Вашингтонѣ фабрично-заводской промышленности, случалось и тут наталкиваться но иммигрантов из Россіи. Пара из них — старожилы в Соед. Штатах и устроились на государственной службѣ. В газетном отдѣлѣ Библіотеки Конгресса я нѣсколько раз наблюдал с виду настоящих янки, углублявшихся в чтеніе русских газет.

Расшвыряла судьба сынов Россіи во всѣ стороны свѣта бѣлаго....

... Не прошло и двух мѣсяцев, как моей работѣ по статистикѣ пришел конец.

С сожалѣніем покидал я чистенькую, изящную, словно к празднику прибравшуюся столицу Соединенных Штатов. Люди здѣсь, казалось, было здоровѣе, стояли ближе к природѣ, а борьба за существованіе, погоня за долларами не носила такого ожесточеннаго характера, как в Нью-Іоркѣ, и больше оставляла мѣста для иных, высших потребностей человѣческаго духа.

Поздно вечером поѣзд прибыл в Нью Джерси. Пришлось переѣзжать Гудзон-рѣку на желѣзнодорожном пароходикѣ „ферри".

Я забрался на нос парохода и не мог оторвать глаз от нью-іоркскаго даун-тауна, с его морем элек-

трических огней, освѣщавших в туманной мглѣ контуры вавилонских башен - небоскребов.

Я успѣл уже повариться в котлѣ космополитическаго Нью-Іорка, его разнообразныя культуры уже коснулись и заворожили меня.

С безотчетным чувством радости ступил я на почву Нью-Іорка, и через минуту громадный город проглотил меня.

XVII.

ОТ СТАТИСТИКИ ДО ПРАЧЕШНОЙ ОДИН ШАГ.

Стояло лѣто, страшное нью-іоркское лѣто, когда опять предо мною носился призрак безработицы.

С самаго ранняго утра жарко и душно и все кажется застывшим в воздухѣ.

Медленнѣе обыкновеннаго движутся люди. Кругом красныя от жары лица, с многих льет обильный пот. Не до джентльменства уже тут, — ходят с широко растегнутыми воротами у шеи, без пиджаков и жилетов.

С трудом подымаешься на платформу желѣзной дороги. Все накалено, — камни, цементныя мостовыя, желѣзо. Тяжело дышать, моментами кажется,

что вот-вот не хватит воздуху.

Садишься в открытый вагон, выставляешь лицо навстрѣчу вѣтру. Но это не помогает: вѣтер горячій, он опаляет лицо и не приносит желанной прохлады. В вагонах много электрических вѣеров, но они не в состояніи разсѣять нависшей над землей духоты.

Страшно в такіе дни в скученных кварталах ист-сайда, и только привычкой к такой температурѣ да удивительной выносливостью ист-сайдской бѣдноты можно об'яснить сравнительно незначительное число жертв жары.

Лѣтняя пора — разгар сезона для многочисленных уличных торговцев фруктовыми водами. На Гестер или Ривингтон стритс, в раіонѣ Баури устроили свой рынок сотни разгромленных торговцев из Одессы и Минска, перевезших в Новый Свѣт и сельтерскую воду с сиропами, и лимонад, и даже „самый настоящій", „московскій" хлѣбный квас. Возят на тележкѣ свой подвижной магазин с квасом или лимонадом, украсили боченок надписями на трех языках, — еврейском, русском и англійском, — и чувствуют себя дома в заатлантической республикѣ, гарантировавшей им и личную свободу, и безопасность. Кромѣ того, обстановка Гестер или Грэнд стрит так сильно напоминает родные „толчки" Одессы и Гомеля...

Очутившись в даун-таунѣ, я начинал бродить

по фабричным кварталам, справляясь в шапах о работѣ. Увы, повсюду получался однообразный отвѣт: до осени новых рабочих не надобно.

Эти безплодные поиски в душное утро ни в коем случаѣ не в состояніи были настроить на жизнерадостный лад. Злой и раздосадованный тратой времени и проѣздных денег, я возвращался домой.

Послѣ томительнаго дня с нетерпѣніем ожидаешь ночи. Но и она не приносит облегченія. Если и спадает немного температура, то зато усиливается духота и спать в закрытом помѣщеніи становится совершенно немыслимой вещью.

Населеніе ист-сайда проводит такія ночи на крышах домов, на пожарных лѣстницах, а то и просто на улицах, подлѣ своих домов. Устраивают постели на тротуарах и преспокойно засыпают на ночь.

Одну августовскую ночь я провел в даун-таунском паркѣ. Это было послѣ томительнаго дня поисков работы по об'явленіям. Я безцѣльно шагал, еле переплетая ноги от усталости, по четвертой авеню. Кругом торопливо шагали толпы прохожих, вихрем проносились автомобили, обгоняя безобразных ломовиков, в воздухѣ стоял обычный гул городской жизни.

У 25 улицы я замѣтил сбоку площадь с рѣдко насаженными деревьями. Это был „Мэдисон сквер парк". Устало опустился я на ближайшую скамей-

ку, с единственным желанiем, — отдохнуть, долго-долго лежать без мысли и движенiя, пока разойдутся усталые члены и освѣжительный сон принесет желанiе новаго дня.

С заходом солнца парк начал заполняться почтенными гражданами, таскавшими на себѣ подушки и всякое постельное бѣлье. Они являлись с женами и дѣтьми и мирно устраивались рядышком на травѣ. Пробѣгали мальчики-разносчики, выкрикивая во всю мочь своих легких новости экстренных выпусков газет, дѣвочка разносила блѣдныя и алыя розы, пухлый малыш обходил публику с ящиком конфет и долго дымящимися палочками от москитов.

В двух шагах от меня помѣстилась семья из трех человѣк. Высокiй и худой американец привѣтливо приподнял шляпу, справившись, не буду ли я протестовать против его сосѣдства... Я поспѣшил отвѣтить одобрительным жестом.

Американец готов был немного поболтать, но я притворился плохо слышащим и он скоро оставил меня в покоѣ. Я лег на бархатную траву, подложив под голову свой выносливый пиджак, и вскорѣ исчезли из виду и американец с семьею, и эвеню, и освѣщенный матовым свѣтом парк, и множество просвѣчивавших сквозь деревья нью-iоркских огней...

Разсвѣтало, когда я проснулся и приподнялся

со своего жесткаго ложа. Парк представлял собою уморительное зрѣлище. Около сотни мужчин, женщин и дѣтей спали на травѣ, охраняемые тремя полисменами. Один раскинулся во снѣ, отшвырнув в сторону простыню, у другого демонстративно торчали голыя пятки...

За парком, в легком утреннем туманѣ выступали вышки небоскребов. Тонкій и стройный тянулся к небу сказочный 56-этажный гигант „Метрополитен Билдинг". Его занимающіе три этажа часы горѣли электричеством, а на самой вышкѣ, на высотѣ семисот футов от земли, пылал огненный прожектор.

С правой стороны виднѣлся другой гигант, „Флэтайрон Билдинг", тяжелым и неуклюжим утюгом придавившій землю. В молочном туманѣ тонули контуры других, дальних небоскребов.

Освѣженный сном, я опять направился в фабричные кварталы, на рынок человѣческаго труда.

Мнѣ долго не удавалось найти продолжительной работы. День я поработал у красильщика, который нашел, что я невозможно „slow" и безнадежен, нѣсколько дней — у оклейщика комнат.

Постоянный „джаб" удалось достать лишь поздней осенью.

Это было в критическое время, когда у меня в карманѣ оставалось нѣсколько никелевых монет и я с тоской думал о ближайшей субботѣ, когда предстояло платить хозяйкѣ.

Рѣшив лишній раз попробовать свое счастье, я затратил два никеля и поѣхал по об'явленію в Бруклин. Там требовался „энергичный молодой человѣк, готовый удовлетвориться скромным вознагражденіем". Я чувствовал себя достаточно энергичным и дѣятельным и, главное, жаждал скромнаго вознагражденія...

Было семь часов, когда я нашел номер дома. Это был небольшой двух-этажный деревянный дом, внизу котораго помѣщалась прачешная. Двери были заперты на замок. Пришлось подождать цѣлый час, а к этому времени по тротуару прогуливалось еще пять энергичных и дѣятельных людей, и внѣшній вид каждаго из них краснорѣчиво свидѣтельствовал о том, что они готовы удовлетвориться самой скромной платой.

„Джаб" достался на этот раз мнѣ.

Мои новыя обязанности оказались несложными. Каждое утро я отправлялся из прачешной, с пустой ручной телѣжкой на двух колесах, и ходил из дома в дом, собирая грязное бѣлье бруклинскаго человѣчества. Дважды в недѣлю на той же телѣжкѣ я доставлял бруклинцам чистое и выглаженное бѣлье. В свободные часы я размѣчал бѣлье, складывал его, завертывал в пачки. Иногда отправлялся на поиски новых заказчиков, звоня из квартиры в квартиру и вручая хозяйкам карточки прачешной. Если дамы заинтересовывались, надо было об'яснять всѣ преи-

мущества этой прачешной, единственной в своем роде, самой прогрессивной и дешевой прачешной во всем поднебесьи.

Приходилось имѣть дѣло исключительно с женщинами и требовался неистощимый запас терпѣнія.

В богатых домах получаешь бѣлье и доставляешь через под'емную клѣтку, стоя в погребѣ. Но в большинствѣ домов приходится стоять на кухнѣ, пока хозяйка соберет бѣлье своих домочадцев. Рѣдкія хозяйки догадывались это дѣлать до прихода „лондри - мена".

На второй мѣсяц я был „своим человѣком" на многих кухнях и знал много кухонных секретов болтливых хозяек. В теченіи трех мѣсяцев босс дважды добавлял мнѣ по доллару в недѣлю. Я „входил во вкус" работы, начинал спеціализироваться...

Не такая уж легкая вещь возиться с грязным бѣльем и разрѣшать безчисленные инциденты, — по порчѣ простынь, обмѣну наволочек и полотенец и, о ужас, кофточек.

Надо было обладать изворотливостью дипломата, чтобы умѣло выждать первую бурю негодованія, еле примѣтно отпарировать уже ослабѣвшій по силѣ второй взрыв гнѣва и, выждав подходящій психологическій момент, об'яснить происшествіе печальной, неизбѣжной в каждой прачешной, ошибкой.

Длинных пять мѣсяцев продолжалось мое благополучіе в бруклинской прачешной.

Но возня с бѣльем, надо полагать, порядочно надоѣла мнѣ, потому что, когда это благополучіе окончилось, я ни на минуту не пожалѣл о нем.

XVIII.

НА ПОСТУ НОЧНОГО СТОРОЖА.

Мнѣ положительно начинала улыбаться судьба. Не прошло и недѣли послѣ оставленія прачешной, как я опять имѣл джаб и получал грандіозное вознагражденіе, — цѣлых 30 сентов в час!

Было сѣрое и ненастное утро, когда я стоял пред высоким и статным джентлменом в золотых очках, из под которых щурились близорукіе глаза.

— „Были-ли вы ранѣе ночным сторожом", — справлялся высокій джентлмен, — „имѣете-ли референсіи?"

Я был подготовлен к этим вопросам. В боковом карманѣ я имѣл нужныя референціи от знакомаго аптекаря в Бронксѣ, и мнѣ не стоило больших трудов завѣрить мистера Митл, что если не всю, то, по крайней мѣрѣ, четверть своей жизни потратил на охраненіе чужой собственности.

Мистер Митл был собственником мѣхового склада в западной части 25 улицы. В его помѣщеніи произошел ювьар и, до оцѣнки убытков страховым

обществом и установленія новой сигнализаціи против воров, нужен был на ночь сторож.

Моим товарищем по охранѣ магазина был добродушный ирландец, с которым у меня с первой же ночи наладились добрыя дружескія отношенія.

Как только закрывали лавку, Мак отправлялся в ближайшій салун за пивом, а я приготовлял холодную закуску. Потом ирландец прехладнокровно устраивал себѣ постель из сѣрых волчьих шкур и быстро засыпал богатырским сном.

Пару ночей я добросовѣстно просиживал без сна. Я поддерживал огонь в печкѣ, и без конца тянул теплый и жидкій чай. Прислушивался к звукам нью-іоркской ночи и через стеклянную дверь глядѣл на сонную улицу. Издалека доносился гул проходивших воздушных поѣздов и в тишину ночи рѣзко врывались то переливчатый свист, то шум мчавшихся по улицѣ грузовых автомобилей.

Большой электрическій фонарь ярко освѣщал пустынную улицу. За окном топтались и ржали лошади: там помѣщалась конюшня какой-то торговой фирмы.

На третью ночь я послѣдовал примѣру ирландца и устроил себѣ теплую и уютную охотничью постель из медвѣжьих и волчьих шкур.

Иногда Мак выпивал лишній стакан пива. Тогда он затягивал ирландскіе мотивы, и подолгу разсказывал про жизнь и тру[illegible] на его [illegible]ѣ. Одна пѣ-

сенка постоянно вызывала слезы на глазах этого большого человѣка, навѣвая на него сумеречное настроеніе. Это была пѣсня про одинокаго и тоскующаго по матери ребенка. Из рамки на стѣнѣ отец вынул портрет матери, и вставил новую женскую фигуру. И горько жалуется мальчик:

> There is another picture
> In my mother's frame,
> There is another lady,
> Her smile is not the same...

О чем грустило в эти минуты размякшее сердце ирландца? Не представлялось - ли ему, что и он перемѣнил картину в рамкѣ, выбросив из своего сердца облик матери - Ирландіи?

С растерянной дѣтской улыбкой на устах он повторял трогательный припѣв пѣсенки...

Через недѣлю страховая компанія отозвала Мака, а я остался дежурить еще на двѣ недѣли, пока не был закончен весь ремонт.

Сторожевая служба оказалась болѣе чѣм выгодной, и я продолжал поиски в этой области. Через короткое время я вторично дежурил в лавкѣ мѣховщика. На этот раз хозяйское добро сторожил я один, и обязанности исполнял совершенно добросовѣстно. Владѣлец лавки, нервный и подвижной маленькій человѣчек, по пять-шесть раз вскакивал ночью с постели и вызывал меня по телефону.

Было [illegible] м ут[illegible]о в сыроватом и холодном

помѣщенія лавки. Сквозь оставшуюся от пожарища большую дыру в потолкѣ продувал вѣтер; иногда мѣрно стучали над головой капли дождя, и тогда чудилось, что кто-то осторожно крадется по крышѣ и что вот-вот над открытіем сверху покажется страшная голова.

Телефонныя бесѣды с владѣльцем и его безконечныя предупрежденія о возможности проникновенія воров невольно возбуждали нервы. Под полом копошились мыши, отовсюду раздавались подозрительные скрипы, и, главное, не было теплых и мягких шкур, — ни медвѣжьих, ни лисьих, ни даже сѣрых волчьих: этот мѣховщик торговал исключительно мелкими шкурками да обрѣзками...

XIX.

СУДЬБЫ ИММИГРАНТСКІЯ.

В Соединенных Штатах и Канадѣ насчитывается свыше полутора милліонов выходцев из Россіи, и в этом числѣ около двухсот тысяч коренных русских, представителей „главенствующей" на родинѣ націи.

Разбрелись они в разныя стор[illegible] их, — [illegible] [illegible]лапы и на фабрики, в шахты и на заво[illegible] в которой [illegible]отятся они за свое „гринерство", [illegible] [illegible]тяже-

лыя, самыя грязныя работы, во всѣх случаях получая менѣе других категорій рабочих, даже исполняющих ту же работу. Русскими иммигрантами переполнен дымный Питтсбург, их много на бойнях Чикаго и Сіу Сити, в шахтах Пенсильваніи и Колорадо, в шапах Филаделфіи и Бруклина. Цѣлыми партіями отправляют их, вмѣстѣ с итальянцами и сирійцами, на желѣзно - дорожныя, туннельныя и земляныя работы, на уборку хлѣбов.

Чуткіе и воспріимчивые совершенно перерождаются в пять-шесть лѣт. Их кругозор расширяется, потребности становятся выше. Такіе нерѣдко идут, не считаясь с возрастом, в сельско-хозяйственные калледжи и институты, занимаются просвѣтительной и организаторской дѣятельностью в колоніи. Интеллигенція русская не ѣдет в Соединенные Штаты, и культурныя силы русской колоніи в Америкѣ создались за океаном, под вѣяніем американской культуры.

Но даже наиболѣе отсталые элементы русской колоніи, и на новой родинѣ усердно служащіе Зеленому Змію, медленно и незамѣтно, но все же поддаются вліянію новой общественной среды, новой культурной обстановки. Они становятся членами рабочих [illegible]й, стихійно учатся общественности и организованн[illegible]итѣ своих прав и интересов.

В[illegible] мен[illegible]сіи создали здѣсь свои разнообразн[illegible]ыя культуры.

Многочисленны польскія организаціи, быстро ростет польская печать.

Солидна и внушительна печать и литература еврейскія, процвѣтает еврейскій театр, и мало по малу центр еврейской культуры переносится из Европы в Соединенные Штаты. Крупной еврейской иммиграціи в Америку всего лишь 25 лѣт, и за эту четверть вѣка русскіе евреи успѣли занять замѣтное мѣсто в общественно-политической, экономической и научной жизни страны.

Русская иммиграція стала замѣтной лишь с 1905 года. Русскіе в Америкѣ во много раз больше читают русских в Россіи. Значительно выше здѣсь самый процент грамотности, и русская печать насчитывает уже дюжину періодических изданій разнообразных направленій и теченій.

Молода еще русская иммиграція в Америку, но судя по наличному культурному достоянію русской колоніи, не трудно предсказать, что незамѣтно для Россіи за океаном выростет и будет шириться культурный русскій очаг. Прибитыми и пришибленными прибывают россіяне к берегам Америки, а возвращаются на родину русскіе полу-американцы, с новыми настроеніями и запросами. Большей частью сыны земли, они, возвратясь в свои деревни, повысят культурный уровень окружающей их среды и создадут новую атмосферу жизни, в которой больше будет цѣниться человѣческая личность.

Но упорным трудом, тяжкими испытаніями достаются русским иммигрантам эти культурные успѣхи.

Мои бѣглыя замѣтки приближаются к концу. Я до сих пор еще на перепутьи в Новом Свѣтѣ. Но и короткаго времени пребыванія за океаном оказалось достаточно, чтобы почувствовать, какую неизгладимую печать накладывает на человѣческую личность обостренная в Америкѣ борьба за существованіе. Она является здѣсь могущественным стимулом человѣческой дѣятельности, заставляет человѣка развернуться во всю ширь, проявить всѣ скрытыя в нем силы и способности.

Америка — страна свободнаго проявленія человѣческих способностей. Гордые янки все еще называют свою родину „The Land of Opportunities", — страной великих возможностей. Здѣсь нѣт сословных перегородок, нѣт привиллегированных классов в том смыслѣ, как они существуют в Россіи.

И если и прав американец, указывающій на уничтоженіе мифа о „безконечных возможностях" для каждаго средняго рабочаго, то для россійскаго иммигранта Америка еще надолго останется все той же „Land of Opportunities".

Тяжелѣе всего приходится за океаном ничего не умѣющим дѣлать бѣлоручкам. Но и из таких, казалось бы, никудышников для Новаго Свѣта Амери-

ка может создать кое что, если скрыты хоть малѣйшія возможности в их мускулатурѣ.

Теперь я не стыжусь болѣе показывать свои руки: онѣ в значительной степени огрубѣли и умѣют кое что дѣлать.

В періоды „слэка", когда Нью-Іорк переполняется безработными, просыпается тяга на землю, хочется на простор полей и лѣсов.

Я знаю, что за космополитическим Нью-Іорком лежит Великій Запад, гдѣ непочатыя пространства ждут людей энергіи и силы.

...Когда же устаю от толкотни, суматохи и тревог шумнаго Нью-Іорка, когда хочется вырваться из плѣна города-чудовища, города-государства, я ухожу далеко за город, к песчаному берегу океана. Вдали снуют взад и вперед десятки торговых судов, временами проносятся направляющіеся в Европу двух и трехмачтовые пароходы-гиганты.

Слѣжу за исчезающими в мглистой дали судами, прислушиваюсь к прибою волн, а мысли витают далеко-далеко, за тысячи миль, гдѣ на востокѣ Стараго Свѣта заняла двѣ трети материка моя бѣдная родина.

Под рев бьющихся о берег океанских волн так сладко грезить о счастливой и свободной Россіи...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 25 сентовъ, с перес. 30 сент.

Склад изданія :— при редакціи газеты „Русское Слово", 178 Second Ave., New York, N.Y